

ISSN 2072-8557 (print)
ISSN 2310-6794 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Юриспруденция

ТИПОЛОГИЯ УБИЙЦ

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЬЕТНАМА

ЗНАЧЕНИЕ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА ЮРИСТОВ
КАК СРЕДСТВА ПОСТРОЕНИЯ УБЕДИТЕЛЬНОЙ
АРГУМЕНТАЦИИ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

2016/ № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557 (print)

2016 / № 3

ISSN 2310-6794 (online)

серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по юридическим наукам (12.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University. Series Law» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Law Sciences (12.00.00).

ISSN 2072-8557 (print)

2016 / № 3

ISSN 2310-6794 (online)

series

JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционно-издательский совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к. филол. н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д. пед. н., проф., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д. псх. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д. ф. н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д. пол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д. э. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д. пед. н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д. филол. н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2016. — № 3. — 88 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26300

**Индекс серии «Юриспруденция»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40735**

© МГОУ, 2016.

© ИИУ МГОУ, 2016.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Юриспруденция»

Ответственный редактор серии:

Антонян Ю.М. — д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД, МГОУ

Заместитель ответственного редактора:

Коновалова И.А. — к. ю. н., доц., МГОУ

Ответственный секретарь:

Васильева О.Н. — к. ю. н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Гладких В.И. — д. ю. н., проф., заслуженный юрист РФ, Государственный университет управления

Глотов С.А. — д. ю. н., проф., Международный юридический институт при Министерстве юстиции РФ (г. Москва)

Гольшев В.Г. — к. ю. н., доц., МГОУ

Гриненко А.В. — д. ю. н., проф., МГОУ

Грудцына Л.Ю. — д. ю. н., проф., почетный адвокат РФ, Финансовый университет при Правительстве РФ

Иванова С.А. — д. ю. н., проф., Финансовый университет при Правительстве РФ

Марченко М.Н. — д. ю. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Миронов О.О. — д. ю. н., проф., заслуженный юрист РФ, Современная гуманитарная академия (г. Москва)

Никитин А.Н. — д. и. н., д. ю. н., проф., МГОУ

Пашенцев Д.А. — д. ю. н., проф., МГПУ, Финансовый университет при Правительстве РФ

Певцова Е.А. — д. ю. н., проф., МГОУ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

Подшибякин А.С. — д. ю. н., проф., МГИМО

Пудовочкин Ю.Е. — д. ю. н., проф., Российская академия правосудия (г. Москва)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow State Regional University»:
Moscow State Regional University

————— Issued 4 times a year —————

Series editorial board
«Jurisprudence»

Editor-in-chief:

Yu.M. Antonyan – Doctor habil. of Law, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

I.A. Konovalova – Doctor of Law, Associate Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

O.N. Vasilieva – Doctor of Law, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.I. Gladkikh – Doctor habil. of Law, Professor, Russian Federation State University of Management

S.A. Glotov – Doctor habil. of Law, Professor of International Law Institute under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow)

V.G. Golyshev – Doctor of Law, Associate Professor, MRSU

A.V. Grinenko – Doctor habil. of Law, Professor, MRSU

L.Y. Grudtsyna – Doctor habil. of Legal Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

S.A. Ivanova – Doctor habil. of Law, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

M.N. Marchenko – Doctor habil. of Law, Professor, Lomonosov Moscow State University

O.O. Mironov – Doctor habil. of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation of Modern Humanitarian Academy (Moscow)

A.N. Nikitin – Doctor habil. of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor of MRSU

D.A. Pashentsev – Doctor habil. of Legal Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; Financial University under the Government of the Russian Federation

E.A. Pevtsova – Doctor habil. of Law, Professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, MRSU

A.S. Podshibyakin – Doctor habil. of Law, Professor of Moscow State Institute of International Relations

Y.E. Pudovochkin – Doctor habil. of Law, Professor of the Russian Academy of Justice (Moscow)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. – 2016. – № 3. – 88 p.

The series «Jurisprudence» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-26300

Index series «Jurisprudence» according to the union catalog «Press of Russia» 40735

© MSRU, 2016.

© Information & Publishing department of MSRU, 2016.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Семенович К.С.</i> ДОГОВОР ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ	6
---	---

РАЗДЕЛ II.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Антонян Ю.М.</i> ТИПОЛОГИЯ УБИЙЦ.....	15
<i>Афанасьев П.Б.</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ	29
<i>Афанасьева О.Р., Гончарова М.В.</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА	40
<i>Грушин Ф.В.</i> ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	50
<i>Коновалова И.А., Нгуен В.Н.</i> ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЬЕТНАМА	59
<i>Шиян В.И.</i> ЛИЧНОСТЬ ЖЕНЩИН, ОСУЖДЁННЫХ ЗА УБИЙСТВО НОВОРОЖДЁННОГО РЕБЁНКА	66

РАЗДЕЛ III.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Артёмова В.В., Самолаева Е.Ю.</i> ЗАДЕРЖАНИЕ ЛИЦА ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	73
<i>Мельник В.В.</i> ЗНАЧЕНИЕ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА ЮРИСТОВ КАК СРЕДСТВА ПОСТРОЕНИЯ УБЕДИТЕЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	81

CONTENTS

SECTION I.

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

<i>K. Semenovich.</i> AN AGREEMENT FOR CONNECTION TO POWER NETWORKS.....	6
---	---

SECTION II.

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW

<i>Yu. Antonyan.</i> THE TYPOLOGY OF MURDERERS	15
<i>P. Afanasiev.</i> SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF PERPETRATORS PLEADED GUILTY IN INTENTIONAL INFLICTION OF GRIEVOUS BODILY HARM	29
<i>O. Afanasyeva, M. Goncharova.</i> OFFENDER PROFILE	40
<i>F. Grushin.</i> FORM FACTORS AND MODERN TRENDS OF THE RUSSIAN PENAL POLICY	50
<i>I. Konovalova, V. N. Nguyen.</i> THE HISTORY OF THE VIETNAMESE CRIMINAL LAW DEVELOPMENT.....	59
<i>V. Shiyan.</i> PERSONALITIES OF WOMEN CONVICTED OF MURDERING NEWBORNS	66

SECTION III.

CRIMINAL PROCESS

<i>V. Artemova, Ye. Samolayeva.</i> THE DETENTION OF A SUSPECT IN THE CONDITIONS OF MODERN LEGISLATION REFORMS	73
<i>V.V. Melnik.</i> LAWYERS' PUBLIC SPEAKING SKILLS AS A MEANS OF CONSTRUCTING CONVINCING ARGUMENTS IN ADVERSARIAL CRIMINAL PROCEEDINGS: STATEMENT OF THE PROBLEM	81

РАЗДЕЛ I. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 34

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-6-14

ДОГОВОР ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ

Семенович К.С.

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, Российская Федерация

Аннотация. В зависимости от того, к какому виду договоров относится договор технологического присоединения, судом решается вопрос о нормах, подлежащих применению к правоотношениям сторон. В статье анализируются точки зрения о правовой природе договора технологического присоединения. Проведено теоретическое исследование затронутых вопросов, проанализирована правоприменительная практика. Автор приходит к выводу о самостоятельной правовой природе договора технологического присоединения. В статье указывается на необходимость развития законодательной регламентации постоянных условий договора технологического присоединения, с целью исключения многообразия подходов к определению его правовой природы.

Ключевые слова: сетевая организация, технологическое присоединение, доступ к сети, правовая природа договора, реформа электроэнергетической отрасли.

AN AGREEMENT FOR CONNECTION TO POWER NETWORKS

K. Semenovich

St. Petersburg State University

7-9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract. The case of the standards applicable to legal relations of the parties of a connection agreement is decided at court depending on what type of contracts the latter is assorted to. The article considers some current views on the legal nature of the connection agreement covering both theoretical and law enforcement aspects of the problem. It is concluded that the connection agreement has an independent legal nature. The paper highlights the necessity of the development of legislative regulation fixing the conditions of the connection agreement to avoid misinterpretations of its legal nature.

Key words: network organization, connection agreement, access to the network, legal nature of an agreement, electric industry reform.

Передача электрической энергии от производителя до потребителя является одной из «основных задач» [16, с. 580] электроэнергетики. Началу оказания услуг по передаче электрической энергии предшествует произведённое в установленном порядке «фактическое (технологическое) действие» [19, с. 283], направленное на установление контакта объектов электросетевого хозяйства сетевой организации и энергопринимающих устройств лица, намеренного получать электроэнергию, оформляемое договором технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии к электрическим сетям (далее – технологическое присоединение).

Договор технологического присоединения в исторической ретроспективе относительно новый и малоисследованный институт российского законодательства. Действующие до 1 января 2000 г. [8] «Правила пользования электрической и тепловой энергией», утверждённые Приказом Министерства энергетики и электрификации СССР от 6 декабря 1981 г. № 310 [9], а затем и конструкция договора энергоснабжения, предусмотренная Гражданским Кодексом РФ [1] (далее – ГК РФ), не выделяли в отдельную сделку правоотношения по обеспечению кон-

такта энергопринимающих устройств с электрическими сетями.

В ходе последовавшей после рестройки реформы электроэнергетической отрасли произошло превентивное разделение **естественно-монопольных** – передачи электроэнергии и оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике – и **потенциально конкурентных секторов** – производства и сбыта электрической энергии. Реализация электроэнергии потребителям стала оформляться с помощью нескольких взаимосвязанных сделок: договора купли-продажи (поставки) электроэнергии или договора энергоснабжения, договора возмездного оказания услуг по передаче электроэнергии. На сетевые организации были возложены обязанности по выполнению мероприятий в рамках присоединения электроустановок потребителей к электрическим сетям. Дефицит инвестиций в электроэнергетический комплекс России в течение предшествовавших 20 лет привёл к осязательному износу электрических сетей. Во избежание увеличения тарифов на электроэнергию, в практику работы сетевых организаций был введён механизм взимания платы с потенциальных потребителей электрической энергии за присоединение энергоустановок к электросетям.

Впервые понятие «технологическое присоединение» появилось в ст. 26 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [11] (далее – Закон об электроэнергетике). Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 утверждены «Правила технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» [4] (далее – *Правила технологического присоединения*), регламентирующие порядок технологического присоединения. Факт технологического присоединения, производимый на основании соответствующего договора, становится тем условием, при наличии которого гражданские правоотношения с поставщиками электрической энергии «приходят в движение» [15, с. 49].

Технологическое присоединение к электрическим сетям осуществляется на основании публичного договора об осуществлении технологического присоединения между сетевой организацией и обратившимся к ней лицом и носит однократный характер. По вопросу о правовой природе договора технологического присоединения в правоприменительной практике и среди учёных-правоведов отсутствует единое мнение. Между тем, в зависимости от того, к какому виду договоров относится договор технологического присоединения, судом решается вопрос о нормах, подлежащих применению к правоотношениям сторон.

Согласно первой точке зрения, договор об осуществлении технологи-

ческого присоединения является разновидностью договора возмездного оказания услуг. Технологическое присоединение как предмет договора – это «услуга, состоящая в выполнении технологических и формальных предпосылок для получения возможности заключить договор энергоснабжения или купли-продажи и передачи электрической энергии» [14, с. 49]. В проанализированных судебных актах, таких как Определение ВАС РФ от 5 мая 2012 г. № ВАС-4986/12 по делу № А76-16773/2010 [2], Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24 апреля 2012 г. по делу № А45-10604/2011 [6] и проч.¹, суды интерпретировали договор технологического присоединения как договор возмездного оказания услуг и применили к отношениям сторон договора нормы гл. 39 ГК РФ, посвящённой договорам, направленным на оказание услуг.

Договор возмездного оказания услуг предусматривает, в силу ст. 782 ГК РФ, право потребителя отказаться от исполнения договора при условии оплаты сетевой организации фактически понесённых ей расходов, то есть исключительно тех расходов, которые она понесла в связи с не оказанными на момент одностороннего отказа потребителя услугами. При признании договора технологического присоединения договором, направленным на оказание услуг, предметом подобного соглашения становится именно деятельность

¹ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 28.08.2012 по делу № А74-4633/2011; Постановление ФАС Московского округа от 07.03.2013 по делу № А41-38605/10; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 03.05.2012 по делу № А56-37594/2011; Постановление ФАС Центрального округа от 25.12.2012 по делу № А14-3176/2012.

сетевой организации. Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П [3], выделение в качестве предмета договора возмездного оказания услуг совершения определённых действий или осуществления определённой деятельности обусловлено тем, что даже в рамках одного вида услуг результат, ради которого заключается договор, в каждом конкретном случае не всегда достижим. Таким образом, оценивая договор технологического присоединения в качестве договора возмездного оказания услуг, оплате подлежат произведённые действия сетевой организации даже при отсутствии результата договора.

Согласно второй точке зрения, договор об осуществлении технологического присоединения является вариацией обязательств, направленных на выполнение и сдачу заказчику работ – договором подряда. «Некоторые юристы приходят к выводу о том, что технологическое присоединение правильно рассматривать как работу, поскольку здесь важен сам результат присоединения, а не его процесс» [20, с. 23]. В правоприменительной деятельности из подобной квалификации исходит Управление Федеральной антимонопольной службы по Ленинградской области, например, в решении от 13 ноября 2014 г. по делу №738-05-2893-А/14 [10].

Одностороннее расторжение договора потребителем, в силу ст. 717 ГК РФ, возможно в любое время до сдачи ему результата работы, при условии оплаты сетевой организации части установленной цены пропорционально части работы, выполненной до получения извещения об отказе заявителя от исполнения договора. С заявителя также могут быть взысканы

убытки сетевой организации в пределах оставшейся части цены, размер которых может оказаться значительным. На не обладающего специальными знаниями заявителя возлагаются и обязанности по содержанию вновь созданного энергообудованья. Очевидно, что квалификация договора технологического присоединения в качестве договора подряда нарушает принцип баланса интересов потребителей и поставщиков электрической энергии, практически уравнивает экономически сильного естественного монополиста и бытового потребителя, исключает возможные льготы заявителя при исполнении договора.

Сторонники третьей точки зрения высказывают мнение о «сочетании в договоре об осуществлении технологического присоединения элементов договора возмездного оказания услуг с элементами договора подряда» [13, с. 140], признают его смешанным договором. Указанная позиция широко распространена в практике рассмотрения споров, возникающих в ходе исполнения сторонами обязательств по договорам технологического присоединения. Так, по делу № А40-86511/12-113-811 ФАС Московского округа в Постановлении от 12 августа 2013 г. [7] указал, что возможность одностороннего расторжения договора заказчиком полностью соответствует правовой ориентации договоров подряда, возмездного оказания услуг и смыслу договора технологического присоединения, в которых необходимость в результате договора определяет именно заказчик, соблюдая принцип необходимости оплаты уже понесённых исполнителем расходов или выполненных работ.

Однако в вопросе об одностороннем отказе от договора, правах и обязанностях сторон, не могут синхронно применяться две несовместимые правовые конструкции. При признании договора технологического присоединения смешанным договором, судам необходимо делать выбор, который зависит, в том числе, от внутреннего убеждения судей разных инстанций и не гарантирует единообразного толкования условий договора в ходе судебного производства.

Президиумом ВАС РФ в постановлении от 10 июля 2012 г. № 2551/12 по делу № А56-66569/2010 [5] приведена четвёртая позиция, согласно которой договор технологического присоединения не относится ни к договору подряда, ни к договору возмездного оказания услуг, не является также и смешанным договором, а должен рассматриваться как договор непоименованный в ГК РФ. Так как электроэнергетическим законодательством регламентирована процедура технологического присоединения и определены все существенные условия договора технологического присоединения, по мнению ВАС РФ, данный договор по своей правовой природе является договором технологического присоединения.

Самостоятельная правовая природа договора технологического присоединения позволяет применять нормы других договоров к отношениям сторон лишь по аналогии закона. Правила технологического присоединения предусматривают единственное специальное основание для одностороннего расторжения договора – нарушение сетевой организацией сроков технологического присоединения. В остальных случаях применению подлежит ст. 310 ГК РФ, запрещающая

односторонний отказ от исполнения обязательств.

Ограничение свободы договора технологического присоединения в части одностороннего отказа заявителя от договора, в случае, если необходимость в нём отпала, нарушает интересы контрагентов естественного монополиста и не должно при нынешней регламентации договора технологического присоединения применяться на практике.

Наличие взаимоисключающих точек зрения о квалификации договора технологического присоединения свидетельствует о том, что он только обозначен законодателем и его содержание не раскрыто полностью. Трудности, связанные с трактовкой элементов договора технологического присоединения, прав и обязанностей сторон, подтверждают тот факт, что имеющегося в законодательстве регулирования недостаточно для полноценного оформления возникающих правовых отношений.

Согласно Федеральному закону от 26 марта 2003 г. №36-ФЗ «Об особенностях функционирования электроэнергетики в переходный период...» [12], переходный период реформирования закончился 1 января 2011 г. Однако в литературе [17, с. 17] подчёркивается, что фактически переходный период реформирования не был завершён, так как не были достигнуты основные цели проведённых реформ.

Самостоятельный договорной тип договора технологического присоединения обусловлен тем, что договоры, заключаемые в сфере электроэнергетики, регламентированы специальным электроэнергетическим законодательством. Ю.В. Романец утверждает, что именно «системный признак направ-

ленности должен иметь нормообразующее значение» [18, с. 85]. Установленные законодателем постоянные условия договора технологического присоединения, являющегося формальной предпосылкой электроснабжения, требуют исчерпывающего

законодательного регулирования в целях устранения взаимоисключающих подходов к определению его правовой природы и созданию единообразного направления правоприменительной практики при их толковании.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

ИСТОЧНИКИ:

1. Гражданский Кодекс РФ (в ред. от 13.07.2015) (часть первая) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Определение ВАС РФ от 5 мая 2012 г. № ВАС-4986/12 по делу № А76-16773/2010 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс (справочно-правовая система) (01.10.2015). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=274186> (дата обращения: 10.08.2016).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 779 и п. 1 ст. 781 ГК РФ в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1. 2007.
4. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 «Правила технологического присоединения энергопринимающих устройств (энергетических установок) юридических и физических лиц к электрическим сетям» // Российская газета. № 7. 2005.
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июля 2012 г. № 2551/12 по делу № А56-66569/2010 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс (справочно-правовая система) (01.10.2015). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=293541> (дата обращения: 10.08.2016).
6. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24 апреля 2012 г. по делу № А45-10604/2011 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс (справочно-правовая система) (01.10.2015). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=101152> (дата обращения: 10.08.2016).
7. Постановление ФАС Московского округа от 12.08.2013 по делу № А40-86511/12-113-811 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс (справочно-правовая система) (01.10.2015). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=187807> (дата обращения: 10.08.2016).
8. Приказ Минтопэнерго РФ от 10.01.2000 № 2 «О признании недействующими Правил пользования электрической и тепловой энергией» // Информационный бюллетень ФЭК РФ. № 3. 2000.
9. Приказ Минэнерго СССР от 6 декабря 1981 г. № 310 «Об утверждении Правил пользования электрической и тепловой энергией» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс (справочно-правовая система) (01.10.2015). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15389/ (дата обращения: 10.08.2016).
10. Решение Управления ФАС по Ленинградской области от 13 ноября 2014 г. по делу №738-05-2893-А/14 [Электронный ресурс] // Управление Федеральной антимонопольной службы по Ленинградской области: [сайт]. 2015. URL: <http://solutions.fas.gov.ru/documents/> (дата обращения: 10.08.2016).

11. Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. 2003. №13. Ст. 1177.
12. Федеральный закон от 26 марта 2003 г. №36-ФЗ «Об особенностях функционирования электроэнергетики в переходный период и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов РФ в связи с принятием Федерального закона «Об электроэнергетике» // Парламентская газета. 2003. № 58.

ЛИТЕРАТУРА:

13. Городов О.А. Договоры в сфере электроэнергетики: научно-практич. пособие. М.: Волтерс Клувер, 2007. 256 с.
14. Елисеев И.С. Технологическое присоединение – pro et contra // Энергетика и право. 2009. №1. С. 46–60.
15. Красавчиков О.Л. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 182 с.
16. Прохоров А.М. Большая Советская Энциклопедия. Т. 1–30 / под ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 7. 630 с.
17. Редькин И.В. Анализ ключевых проблем государственного регулирования электроэнергетики по результатам завершения переходного периода реформы // Энергетическое право. 2013. № 1. С. 16–22.
18. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. М.: Юристъ, 2001. 496 с.
19. Свирков С.А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография. М.: Статут, 2013. 479 с.
20. Серова В.К. Практика рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о присоединении (подключении) к системам коммунальной инфраструктуры (2009-2012 годы) // Арбитражные споры. 2013. № 3. С. 15–43.

REFERENCES:

SOURCES:

1. Grazhdanskii Kodeks RF (v red. ot 13.07.2015) (chast' pervaya) [The Civil Code of the Russian Federation (as amended on 13.07.2015) (part one)] // Sbranie zakonodatel'stva RF. 1994. No 32. Art. 3301.
2. Opredelenie VAS RF ot 5 maya 2012 g. № VAS-4986/12 po delu № A76-16773/2010 [Elektronnyi resurs] [The Supreme Arbitration Court of the Russian Federation Decision dated May 5, 2012 N VAS-4986/12 on the case N A76-16773/2010 [Electronic resource]] // Consultant Plus (legal reference system) (01.10.2015). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=274186> (request date 10.08.2016).
3. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 23 yanvarya 2007 g. № 1-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii p. 1 st. 779 i p. 1 st. 781 GK RF v svyazi s zhalobami obshchestva s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Agentstvo korporativnoi bezopasnosti» i grazhdanina V.V. Makeeva» [The Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January, 23rd, 2007 № 1-P "On checking the constitutionality of the provisions of Clause 1, Article 779, and Section 1 of Article 781 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaints of the limited liability company "Agency of Corporate Safety" and of the citizen of V.V. Makeev"] // Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF. No 1. 2007.
4. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27 dekabrya 2004 g. № 861 «Pravila tekhnologicheskogo prisoedineniya energoprinyimayushchikh ustroystv (energeticheskikh ustanovok)

- yuridicheskikh i fizicheskikh lits k elektricheskim setyam» [The Decree of the RF Government dated December 27, 2004 № 861 "Rules for Technological Connection of Power Receivers (Power Installations) of Legal and Physical Persons to Electric Networks"] // Rossiiskaya gazeta. No 7. 2005.
5. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 10 iyulya 2012 g. № 2551/12 po delu № A56-66569/2010 [Elektronnyi resurs] [The Decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 10 July 2012 № 2551/12 in the case № A56-66569/2010 [Electronic resource]] // Consultant Plus (legal reference system) (01.10.2015). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=293541> (request date 10.08.2016).
 6. Postanovlenie FAS Zapadno-Sibirskogo okruga ot 24 aprelya 2012 g. po delu № A45-10604/2011 [Elektronnyi resurs] [The Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the West Siberian District dated April 24, 2012 over Case No A45-10604/2011 [Electronic resource]] // Consultant Plus (legal reference system) (01.10.2015). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=101152> (request date 10.08.2016).
 7. Postanovlenie FAS Moskovskogo okruga ot 12.08.2013 po delu № A40-86511/12-113-811 [Elektronnyi resurs] [The Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the Moscow District dated 12.08.2013 over Case № A40-86511/12-113-811 [Electronic resource]] // Consultant Plus (legal reference system) (01.10.2015). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=187807> (request date 10.08.2016).
 8. Prikaz Mintopenergo RF ot 10.01.2000 № 2 «O priznanii nedeistvuyushchimi Pravil pol'zovaniya elektricheskoi i teplovoi energiei» [The Order of the Ministry of Fuel and Energy of the Russian Federation dated 10.01.2000 № 2 "On Invalidation of the Rules of Electric and Thermal Energy Use"] // Informatsionnyi byulleten' FEK RF. No 3. 2000.
 9. Prikaz Minenergo SSSR ot 6 dekabrya 1981 g. № 310 «Ob utverzhdenii Pravil pol'zovaniya elektricheskoi i teplovoi energiei» [Elektronnyi resurs] [The Order of the USSR Ministry of Energy dated 6 December 1981 No 310 "On Approval of Rules of Electric and Thermal Energy Use" [Electronic resource]] // Konsul'tant Plyus (spravochno-pravovaya sistema) (01.10.2015). [Consultant Plus legal reference system] (01.10.2015)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15389/ (request date 10.08.2016).
 10. Reshenie Upravleniya FAS po Leningradskoi oblasti ot 13 noyabrya 2014 g. po delu №738-05-2893-A/14 [Elektronnyi resurs] [The Resolution of the Federal Antimonopoly Service in the Leningrad Region dated 13 November 2014 over Case No 738-05-2893-A/14 [Electronic resource]] // Upravlenie Federal'noi antimonopol'noi sluzhby po Leningradskoi oblasti [sait]. 2015. [The Office of the Federal Antimonopoly Service in the Leningrad Region [website]. 2015]. URL: <http://solutions.fas.gov.ru/documents/> (request date 10.08.2016).
 11. Federal'nyi zakon ot 26 marta 2003 g. № 35-FZ «Ob elektroenergetike» [Federal law of 26 March 2003 No 35-FZ "On Electric Power Industry"] // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2003. No 13. Art. 1177.
 12. Federal'nyi zakon ot 26 marta 2003 g. №36-FZ «Ob osobennostyakh funktsionirovaniya elektroenergetiki v perekhodnyi period i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty RF i o priznanii utrativshimi silu otdel'nykh zakonodatel'nykh aktov RF v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «Ob elektroenergetike» [Federal Law of March 26, 2003 No 36-FZ "On the features of the functioning of electric power industry during the transitional period and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation and on recognizing inoperative separate legal acts of the Russian Federation in connection with adoption of the Federal law "On Electric Power Industry"] // Parlamentskaya gazeta. 2003. No 58.

LITERATURE:

13. Gorodov O.A. Dogovory v sfere elektroenergetiki: nauchno-praktich. posobie [Contracts in Electricity Sector: guide to research and practice]. M., Volters Kluver, 2007. 256 p.
14. Eliseev I.S. Tekhnologicheskoe prisoedinenie – pro et contra [Network Connection: pro et contra] // Energetika i pravo. 2009. No 1. Pp. 46–60.
15. Krasavchikov O.L. Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave [Legal Facts in the Soviet Civil Law]. M., Gosyurizdat, 1958. 182 p.
16. Prokhorov A.M. Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya. T. 1-30 / pod red. A.M. Prokhorova. [The Great Soviet Encyclopedia. T. 1–30, ed. by A.M. Prokhorov]. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1972. T. 7. 630 p.
17. Red'kin I.V. Analiz klyuchevykh problem gosudarstvennogo regulirovaniya elektroenergetiki po rezul'tatam zaversheniya perekhodnogo perioda reformy [The analysis of the key problems of state regulation of electric power industry according to the results of the completion of the transition reform] // Energeticheskoe pravo. 2013. No 1. Pp. 16–22.
18. Romanets YU.V. Sistema dogovorov v grazhdanskom prave Rossii [The System of Contracts in the Civil Law of Russia]. M., Yurist", 2001. 496 p.
19. Svirkov S.A. Osnovnye problemy grazhdansko-pravovogo regulirovaniya oborota energii: monografiya [The Main Problems of Legal Regulation of Energy Turnover: a monograph]. M., Statut, 2013. 479 p.
20. Serova V.K. Praktika rassmotreniya sporov, svyazannykh s primeneniem zakonodatel'stva o prisoedinenii (podklyuchenii) k sistemam kommunal'noi infrastruktury (2009-2012 gody) [Practice of dispute resolution connected with the application of the legislation of connection to the utility infrastructure systems (2009-2012)] // Arbitrazhnye spory. 2013. No 3. Pp. 15–43.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенович Кристина Сергеевна – аспирант юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: kristinakt@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kristina Sergeyevna Semenovich – Postgraduate Student of the Faculty of Law at St. Petersburg State University; e-mail: kristinakt@yandex.ru;
e-mail: kristinakt@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Семенович К.С. Договор технологического присоединения к электрическим сетям // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 3. С. 6-14.
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-6-14

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

K. Semenovich. An Agreement for Connection to Power Networks // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Law. 2016. № 3. P. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-6-14

РАЗДЕЛ II.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-15-28

ТИПОЛОГИЯ УБИЙЦ

Антонян Ю.М.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10 А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье освещаются криминологические, социальные и психологические аспекты дезадаптации лиц, совершивших убийство. Обосновывается актуальность типологизации данной категории преступников. Предлагается авторская типология лиц, осуждённых за убийство; раскрываются их психологические особенности; акцентируется внимание на мотивах преступников каждого типа и мотивации совершённых ими преступлений. Проводятся аналогии с реальными персоналиями и литературными героями. Подчёркивается практическое значение данной типологии для расследования преступлений, построения следственных версий и тактики допроса, правильной классификации преступлений, определения наказания, а также проведения индивидуальной работы с осуждёнными, совершившими убийство, в период отбывания ими наказания.

Ключевые слова: преступление, убийство, убийцы, личность, мотивы, типология, типы личности, осуждённые.

THE TYPOLOGY OF MURDERERS

Yu. Antonyan

*Moscow State Regional University
10 A, Radio street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article considers criminological, social and psychological aspects of murderers' disadaptation substantiating the relevance of their typology. The typology of murders suggested by the author of the article is based on psychological features and criminal motives of each type. The analogies are made with both real people and fiction characters. The typology can be of practical value in investigating crimes, building investigative leads and questioning techniques,

© Антонян Ю. М., 2016.

classifying crimes, sentencing and carrying out individual work with the convicted murders during their term of punishment.

Key words: crime, murder, murderers, personality, motives, typology, types of personality, the convicted.

Как известно, типология является одним из главных методов научного познания, в том числе в криминологии. В отличие от классификации, типология даёт возможность глубокого проникновения в природу и причины изучаемых явлений, понять личность преступника, его мотивы и мотивацию преступного поведения, вскрыть его причины.

Убийцы представляют собой особый криминологический, то есть социальный и психологический тип, точнее – подтип преступника вообще. Но убийцу можно назвать именно особым криминологическим типом, поскольку он совершает особо опасное преступление, лишая жизни другого человека. Такие преступники всегда вызывали повышенный интерес и бурные, острые эмоции: неприязнь, гнев, ненависть, страх и т.д. Но наряду с этим – и жгучий интерес, желание узнать и понять, что представляет собой убийца и убийство, каковы его причины. Названные эмоции испытывали и первобытные люди, особенно страх. Это был страх не столько перед убийством и не столько перед тем, кто кого-то лишил жизни, даже если это было в бою и делалось для защиты рода или племени, сколько перед самой смертью: ведь убив, убийца соприкасался с ней и уже поэтому был опасен, а смерти боялись больше всего.

Убийца и убийство всегда возвышались над другими преступниками и преступлениями, но со временем общество постепенно привыкло к ним.

Современному убийце незначит, подобно Каину, бояться, что «всякий, кто встретится со мной, убьёт меня» (Быт, 4:14). Собственно, Бог поддержал этого убийцу и сделал ему знамение, чтобы никто не убил его. Люди давно смирились с убийцами, прежде всего державными.

Но всё-таки убийца – особый социальный и психологический тип. Его характеризуют больше, чем у других преступников, дезадаптация, паранойяльность, тревожность, эмоциональность и импульсивность, особое отношение к смерти, чужой и своей, смерти вообще. Убийцы редко раскаиваются в совершённом преступлении, хотя, казалось бы, само содеянное особенно должно стимулировать их покаяние: здесь, разумеется, действуют особые механизмы психологической защиты. На поведение убийц и других преступников в этом плане действует также особая духовно-нравственная атмосфера в обществе, в котором покаяние и признание своих ошибок не пользуется никакой поддержкой и не принимается.

Дезадаптация убийц представляет собой их значительную дистанцию от общества и его ценностей, прежде всего – строгих моральных запретов, особенно возможности посягательства на жизнь другого человека. Дезадаптация подобных преступников проявляется в том, что среди них меньше, чем в популяции, лиц с законченным средним и высшим образованием, имеющих постоянное место жительства и работы, проживающих с семьёй.

Вместе с тем, убийцы далеко не однородны, среди них встречаются самые разные люди, и действуют они по разным мотивам. Поэтому уже давно возникла проблема типологизации этих преступников, причём такой, которая позволила бы понять субъективные причины таких посягательств на личность, а следовательно, и личность самого преступника.

Полагаем, что можно выделить следующие основные типы убийц.

1. Хулиганствующий. Это один из основных типов убийц, убийцы-хулиганы встречаются достаточно часто. Убийство оказывается органически вписанным в хулиганские действия в целом, является их частью, причём может быть, по представлению или намерениям убийцы, не самой главной. Оно им расценивается в том или ином качестве в зависимости от того, насколько служит основной цели хулиганских действий – нарушению, ломке общественного порядка, общественного спокойствия.

Очень часто убийца не знает своей жертвы. Он убивает первого попавшего ему под руку, и для него главное – убить, а не «свести с ним счёты». Всё это важно подчеркнуть, так как сам преступник обычно находится в нетрезвом состоянии и потому часто не помнит, что он сделал и почему.

Мотивы хулиганских убийств полнее всего могут быть понятны, если исследовать их в контексте самого хулиганства, его мотивов [5]. Чаще всего мотивами хулиганства является самоутверждение и утверждение себя в глазах малой группы. Но в рамках хулиганских действий, маскируясь под них, возможно учинение убийства по другим мотивам, например корыстным или некрофильским [6]. Ни в коем слу-

чае нельзя называть хулиганскими мотивами всё то, что непонятно. Профессинал, даже практический работник, должен определять мотивы преступных действий. Их понимание необходимо строить не только и не столько из самих преступных действий, а из самой личности преступника и прожитой им жизни, из его отношений с жертвой. Возможно, здесь понадобится помощь специалиста-психолога.

2. Некрофильский. Прежде всего, следует пояснить, что означает сам термин «некрофил». Он образован Р. Краффт-Эбингом от греческого слова «nekros», что означает *труп, нечто мёртвое, неживое*, а также *«жителей» загробного мира*.

В научном обороте **некрофилия** представляет собой влечение, тяготение к смерти, ощущение её постоянной близости и определяющего влияния на личность. Любовь к ней, признание её решающей роли в жизни.

Несексуальная некрофилия – это убийство ради убийства, ради того, чтобы приблизиться к смерти, соприкоснуться с ней, увидеть переход от жизни к смерти, наконец, насладиться убийством, показать свою силу и смелость, «создать» мертвеца.

Речь, собственно, идёт о некрофилии как мотиве убийства [1; 2; 4]. Это достаточно распространённый мотив, но следователи, прокуроры и судьи ничего не знают о нём, потому что их этому не учили. Вот почему убийства по непонятным мотивам обычно квалифицируют как совершённые из хулиганских побуждений. Следовательно, могут быть убийства ради убийства. Большинство многоэпизодных и серийных убийц можно расценивать в качестве некрофилов.

Некрофилия проявляет себя в качестве мотива агрессии ещё в одном виде поведения – самоубийствах. Некоторыми самоубийцами смерть предощущается такой близкой, понятной, с её помощью можно решить жизненно важные проблемы. Для самоубийц это всегда выход из положения, и в самых тяжёлых для них обстоятельствах они знают, что этот выход у них всегда есть.

Итак, существует пять видов (типов) некрофилии:

1) *сексуальная некрофилия*. Это сексуальная связь с трупом. Собственно, этот термин первоначально стал предлагаться Р. Краффт-Эбингом именно потому, что он зафиксировал сексуальное влечение к мертвецам;

2) *несексуальная некрофилия*, проявляющаяся в желании находиться вблизи трупа, разглядывать его, прикасаться к нему, расчленять мёртвое тело (по Э. Фромму);

3) *некрофилия как мотив убийства*;

4) *некрофилия как мотив самоубийства*, причём самоубийство вполне может сочетаться с убийством;

5) *социальная (общесоциальная) некрофилия* как особое отношение к смерти для достижения своих эгоистических, корыстных, политических и иных лично значимых целей.

Человечество биофильно, о смерти думают главным образом старики и тяжелобольные, а стремятся к ней лишь те, кто особо будет выделен в этой части методического пособия. Тем не менее, смерть имеет над человечеством необычайную власть. Она всегда была для человека первостепенной загадкой и тайной, в которую он не проник и, возможно, не проникнет никогда. Смерть во всём её многообра-

зии является одним из самых мощных источников религии, мистики, мифологии, сказок и, конечно, искусства. Существенная часть мифов прямо или косвенно посвящена именно ей.

Жизнь предстала перед человеком во всём своём богатстве и разнообразии и по причине сопоставления со смертью, причём даже при наличии веры в загробную жизнь. Эта вера, даже самая искренняя, имела один весьма существенный изъян: в тёмных глубинах психики всё-таки оставались сомнения в возможности такой жизни. Страх был всеобъемлющ и в том смысле, что смерть настигала не только человека, но и всё остальное живое.

Страх смерти – это постоянное ощущение, таящееся в глубинах психики, неизбежного небытия, несуществования, некоего обрыва, за которым не следует ничего. У подавляющего большинства людей образ смерти, мысли о ней вызывают негативные, деструктивные эмоции как нечто неведомое и ужасное. Исключение составляют, возможно, те, кто верит в загробную жизнь, причём в их числе могут быть и нерелигиозные люди. Не вызывает сомнений, что у человечества в целом однозначно негативное отношение к смерти, что способствует формированию аналогичных позиций у конкретных лиц.

Страх смерти способен оставаться в рамках нормы, всю жизнь, незримо сопровождая человека и незаметно влияя на его поступки. Но в некоторых случаях, чаще всего – в результате эмоционального отвержения родителями своего ребёнка, необеспечения его своим попечением, этот страх может выйти за рамки. Тогда личность начинает острее ощущать угрозу ско-

рой гибели и необходимость что-то предпринять, например, упреждающие насильственные действия. Важно отметить, что острота угрозы далеко не всегда выражается только в том, что индивид начинает чаще думать о неизбежной кончине, ищет и находит предвестников, лишь определённым образом объясняет некоторые приметы и события, постепенно подчиняя подобным предчувствиям всего себя. Иногда смертельная опасность представляется ему в отношениях, высказываниях и поступках других лиц, хотя объективно они могут и не быть таковыми.

Повышенный страх смерти может создавать соответствующую личностную диспозицию высокой тревожности и негативных ожиданий, причём самому человеку чаще всего не ясно, откуда следует ждать беды; появляется общая неуверенность в себе, в своём бытии, боязнь утраты себя, своей целостности и определённости, даже права на существование. Субъект с повышенной тревожностью совсем иначе видит мир, воспринимает внешние воздействия. У таких людей бессознательная борьба с угрозой жизни способна преодолеть любые нравственные преграды.

Именно поэтому, зная о таких преградах, человек не воспринимает их и не принимает во внимание. Конечно, в принципе возможна компенсация указанных черт с помощью целенаправленного, индивидуализированного воздействия с одновременным, если это нужно, изменением условий жизни. Если такое воздействие имеет место, оно снимает страх и общую неуверенность в себе и своём месте в жизни. Однако чаще всего этого не проис-

ходит, и поэтому преступное насилие отчуждённых личностей становится реальностью. Современное воспитание является неэффективным и по той причине, что оно, в частности, не даёт возможности преодолеть страх смерти и тревожность в целом.

Изложенное позволяет считать, что защита своего бытия, своего «Я» является глубинным личностным смыслом большинства убийств вообще и сексуальных в частности. При этом не имеет значения, действительно ли имело место посягательство (в любой форме и любой силы) на это бытие, важно, что какие-то факторы субъективно воспринимались как угрожающие.

Всё это, прежде всего, относимо к убийцам, сексуальным – в том числе, которых отличают импульсивность, ригидность (застываемость аффективных переживаний), подозрительность, злопамятность, повышенная чувствительность в межличностных отношениях. Они бессознательно стремятся к психологической дистанции между собой и окружающим миром и уходят в себя. Эти данные можно интерпретировать как глубокое и длительное разрушение отношений со средой, которая начинает выступать в качестве враждебной, разрушительной и в то же время часто непонятной силы, несущей угрозу для данного человека [3]. С этим, несомненно, связаны подозрительность, злопамятность, повышенная чувствительность к внешним воздействиям, непонимание среды, что повышает и поддерживает тревожность и страх смерти.

Жестокость при совершении серийных убийств тоже берёт своё начало в страхе смерти. Поэтому жестокость выступает в качестве средства, а также

неистового протеста против того, что какие-то поступки другого лица могут показать сексуальную, эротическую несостоятельность виновного и тем самым снизить его самооценку. При этом сексуальное отвержение не следует понимать узко, лишь в смысле отказа от половой близости. Уход, например, любимой жены – тоже проявление такого отвержения, и оно может означать полную катастрофу для мужа, особенно если она несла основную нагрузку в его социально-психологических связях с окружающим миром. Не менее болезненны случаи предпочтения одного мужчины перед другим.

3. Террористический. Террор (терроризм) весьма разнообразен. Он имеет сложную внутреннюю структуру, которая предопределяет разнообразие (в смысле возможностей, способностей, умений, навыков) участвующих в них лиц. Террористические убийства всегда направлены на чьё-то устрашение, достижение какой-то цели, в том числе с помощью убийства. Учитывая названные обстоятельства, террористическая группа (она может быть малой, но нередко и огромные, даже сверхогромные образования наподобие гитлеровской Германии или арабского «Исламского государства») совершает такие убийства, которые в наибольшей степени отвечают её целям и направленности.

Жертвами террористического убийства может быть множество людей, но не исключена расправа с конкретным человеком, как это было, например, с убийством П.А. Столыпина.

Террористы используют самое разнообразное оружие, взрывчатые вещества, стрелковое оружие, даже мотыги, как это было, например, в Кампучии.

Самое страшное, если они завладеют ядерным оружием, что ни в коем случае не следует исключать.

Террористические убийцы обычно движимы ненавистью к «другим» – другому этносу, другой религии, другой стране, иногда, но реже, – ко всему миру, всему движущемуся и живому. Поэтому террористу чаще всего безразлично, кто будет его жертвой. Если ею будет женщина или ребёнок, то это его тоже не остановит.

Нередко террорист заинтересован в том, чтобы иметь жертвы среди своего народа или исповедующих ту же религию, поскольку это даёт ему основание для разжигания «священной войны» и совершения террористических убийств. Вина потерпевших, была ли она вообще, его совершенно не интересует.

Например, в годы так называемой «Великой французской революции» убивали только в силу принадлежности к дворянству или духовенству. Примерно то же самое было после того, как большевики захватили власть: они убивали дворян, священников, предпринимателей, кулаков. Можно сделать вывод, что из всех видов терроризма самым страшным является государственный, включая сюда и геноцид.

Особое место среди убийств, совершаемых террористами, занимают те, которые совершены террористами-самоубийцами. Их находят среди фанатиков-верующих, обычно – исламистов, которые знают об исламе и Коране очень мало, а если знают, то искажают его смысл; женщин, занимающих в мусульманском обществе подчинённое положение, а поэтому слепых следующих указаниям мужчин; детей

и подростков, очень внушаемых в силу возраста.

Как показали наши эмпирические исследования некрофильских личностей убийц, их отличает большая лёгкость совершения убийств даже нескольких человек, которое у них никогда не сопровождается действительным сожалением о содеянном, самоупрёком или раскаянием; сам момент причинения смерти не вызывает негативных эмоций в виде испуга, отвращения, страха, сострадания и т.д. Напротив, некоторые убийцы испытывали от совершённого радость, расслаблялись, их охватывали приятная истома и покой, они могли спать после содеянного много часов, иногда почти сутки. Некрофильские убийцы ничего или почти ничего не могут сказать о том, как поступала или что говорила жертва в момент убийства, особенно если она не оказывала или не могла оказать сопротивления.

Длительные беседы с такими преступниками показали, что они ощущают своё особое назначение, воспринимают себя исполнителями особой миссии, считают, что не похожи на других людей. Подобное ощущение поднимает их в собственных глазах, не оставляя места для сожаления и чувства вины. Конечно, они не считают себя ущербными или неполноценными. То, что содержанием их миссии является убийство, их совершенно не смущает, поскольку, в отличие от подавляющего большинства людей, они не видят в этом повода для осуждения. Экстраординарное состояние сознания, которое испытывают некоторые из них, убеждает их в своей избранности.

Некрофильское убийство, поскольку убийца стоит на грани между жиз-

нью и смертью, а само оно в наиболее полной форме выражает движение к последней, является одним из способов связи между этими важнейшими сферами. Люди издревле искали такую связь, пытаясь заглянуть в небытие. Идолопоклонники Сирии и Иудеи ждали предсказаний от убиваемых ими детей, сообщает Э. Леви в своей «Истории магии». Они верили, что последние крики их жертв могут дать им необходимую информацию.

Анализ материалов о смертниках делает возможным предположить у них наличие следующих качеств, аналогичных тем, которые выявлены у некрофильских убийц:

- полное отсутствие психологической идентификации с жертвами; они никогда не думают о них, не жалеют их, не способны сочувствовать им;
- ощущение своего особого назначения, своей избранности в связи с исполнением чрезвычайно важной и почётной миссии;
- бессознательное влечение к смерти, в которой они видят не небытие, а некий рубеж, за которым начинается новое существование, гораздо более счастливое и радостное;
- восприятие смерти, своей и чужой, не как наивысшей катастрофы, а как переход в новое бытие, как решение очень актуальной и сложной проблемы.

Не только для многих примитивных народов, но и для современных верующих, в том числе христиан и мусульман, даже для богословских философов (С. Кьеркегор), человек умирает лишь для мирской жизни, что не является важным, поскольку жизнь представляется лишь звеном в череде переходов и превращений. Смерть оз-

начает начало духовного возрождения, что и имеет наивысшую ценность, хотя страх смерти присутствует всегда, и его не способна устранить ни одна религия. Но человек ни в коем случае не должен останавливаться, его задача – двигаться вперёд. Постоянное движение даже в смерти является важным условием загробного существования, а сама смерть – неперенным его началом. Следовательно, к смерти можно и нужно стремиться.

4. Садистский. Этот тип убийства отличается тем, что ему предшествуют страдания и мучения жертвы, или само убийство совершается не сразу, а путём более или менее длительных мучений, издевательств, пыток и т.д.

Садизм весьма разнообразен, особенно учитывая то, что он существовал всегда, хотя сам термин «садизм» создан лишь в XIX в. **выдающимся немецким психиатром Р. Краффт-Эбингом** по имени маркиза де Сада, в произведениях которого подробно описан этот вид перверсии. Сначала *садизм* использовался в сексопатологическом плане, а затем стал применяться очень широко – социологии, психологии, психиатрии, журналистике, разговорной речи, праве, криминологии и т.д. Перечислить все виды садизма практически невозможно.

Э. Фромм писал, что садизм и мазохизм как сексуальные извращения представляют собой только малую долю той огромной сферы, где эти явления никак не связаны с сексом. Несексуальное садистское поведение проявляется в том, чтобы найти беспомощное и незащищенное существо (человека или животное) и доставить ему физические страдания вплоть до лишения его жизни. Военнопленные,

рабы, побеждённые враги, дети, больные (особенно умалишённые), те, кто сидят в тюрьмах, незащищенные цветные, собаки – все они были предметом физического садизма, часто включая жесточайшие пытки. Начиная от жестоких зрелищ в Риме и до практики современных полицейских команд, пытки всегда применялись под прикрытием осуществления религиозных или политических целей, иногда же – совершенно открыто ради увеселения толпы. Римский Колизей – это, на самом деле, один из величайших памятников человеческого садизма [7, с. 247].

Относительно связи садизма с сексуальной жизнью человека Э. Фромм отмечал, что многие страсти человека только потому и неразумны, что они ему (как и другим) несут не пользу, а вред и мешают нормальному развитию. Тот, кто руководствуется разрушительными влечениями, вряд ли может оправдать себя тем, что он имеет право крушить всё вокруг, ибо это соответствует его желаниям и доставляет наслаждение. Сторонники садистских извращений могут на это ответить, что они вовсе не выступают в защиту жестокости и убийств; что садизм только один из способов сексуального поведения, что этот способ не лучше и не хуже других, ибо «о вкусах не спорят»... Но при этом упускается из виду один важнейший момент: человек, который, совершая садистские действия, достигает сексуального возбуждения, обязательно является носителем садистского характера, т.е. это настоящий садист, человек, одержимый страстью властвовать, мучить и унижать других людей. Сила его садистских импульсов проявляется как

в его сексуальности, так и в других несексуальных влечениях. Жажда власти, жадность или нарциссизм – все эти страсти определённым образом проявляются в сексуальном поведении [7, с. 246].

Разумеется, садистом может быть человек, который не сам причиняет боль и страдание другим людям непосредственно, но может это делать через других людей, подчинённых ему. Иными словами, такой садист руководит социальной, чаще – государственной, машиной, чтобы удовлетворить своё влечение к причинению мучений другим. И в этом случае он мстителен, но объектом его мщения становится не конкретный человек, а люди вообще либо какая-то их социальная группа. Так, нацисты преследовали евреев, а большевики – контрреволюционеров и антисоветчиков. Подобные ненавистники опаснее всех других, даже тех, кто очень жестоко измывается над одним человеком.

Э. Фромм указывал, что человек садистского типа не хочет губить того человека, к которому он привязан, но так как он не может жить собственной жизнью, то должен использовать партнёра для симбиотического существования [8, с. 53]. Вообще, Фромм принадлежит к числу тех мыслителей, которые внесли наиболее существенный вклад в разработку теории садизма и некрофилии.

Так, он считал, что *сердцевину садизма, которая присуща всем его проявлениям, составляет страсть, или жажда власти, абсолютной и неограниченной власти над живым существом, будь то животное, ребёнок, мужчина или женщина. Заставить кого-либо испытывать боль или унижение, когда этот*

кто-то не имеет возможности защищаться, – это проявление абсолютного господства... Тот, кто владеет каким-либо живым существом, превращает его в свою вещь, свое имущество, а сам становится его господином, повелителем, его Богом... Садизм – это злокачественное образование. Абсолютное обладание живым человеком не даёт ему нормально развиваться, делает из него калеку, инвалида, душит его личность... [8, с. 53]. В большинстве общественных систем представители даже самых низших ступеней социальной лестницы имеют возможность властвовать над более слабым. У каждого в распоряжении есть дети, жёны, собаки; всегда есть незащищенные существа; заключённые, бедные обитатели больниц (особенно – душевнобольные), школьники и мелкие чиновники.

В любом случае садизм порицаем, а в наиболее жестоких проявлениях уголовно наказуем. В обыденных своих проявлениях он создаёт лишь иллюзию всемогущества, но когда садист захватывает высшую государственную власть, это уже не иллюзия, а зловещая (и преступная) реальность, при которой возможность творить зло поистине безгранична. Фромм, несомненно, прав, что все садисты – это духовные уроды. Такими были Калигула, де Рэ, Сталин и другие фигуры из бесконечного ряда садистских личностей, обладающих властью, такими же являются домашние и чиновные тираны, получающие наслаждение от унижений и преследований других людей.

Фромм справедливо предупреждал, что было бы опасным упрощением выделять только две группы – садистских дьяволов и несадистских святых. Всё дело в интенсивности садистских

наклонностей в структуре характера каждого индивида. Есть много людей, в характере которых можно найти садистские элементы, но которые в результате сильных жизнеутверждающих тенденций остаются уравновешенными; таких людей нельзя причислять к садистскому типу. Нередко внутренний конфликт между обеими ориентациями приводит к особенно острому неприятию садизма, формированию «аллергической» установки против любых видов унижения и насилия. Существуют и другие типы садистического характера. Например, люди, у которых садистические наклонности, так или иначе уравновешиваются противоположными влечениями; они могут получать определённое удовольствие от власти над слабым существом, но при этом не принимают участия в настоящих пытках [7, с. 253].

У лиц, полностью захваченных садистской агрессией, нет морали, есть лишь правила жизни, обеспечивающие достижение их целей. Садист представляет собой полное отрицание морали, у него есть некие побуждения, он вроде бы знает, что должен делать, но даже не подозревает, ради чего. Он отвечает только перед самим собой, другие для него существуют лишь постольку, поскольку они способны удовлетворять его агрессивные стремления или способствовать их реализации. Он издевается над ценностями других людей и вообще над моралью, являясь самым циничным и активным её отрицателем. В каком состоянии находится общество – для него, на первый взгляд, безразлично, но на самом деле это далеко не так. Ему нужны беспорядок и (особенно) такая атмосфера, когда, казалось бы, незыблемые ценно-

сти и нормы решительно отброшены, декларируется новая нравственность. Поэтому он так любит революции, перевороты, катастрофы и войны, при которых можно в полной мере проявить агрессивность и жестокость, в застенках или концлагере, в разбоях или убийствах. Садизм – это особое состояние личности, управляющее ею. Для садиста все другие живые существа есть лишь вещи, которые находятся в его полном подчинении либо над которыми он хотел бы властвовать.

Садистские убийства имеют место в нашей повседневной жизни при совершении разбойных нападений, изнасилований, в результате семейно-бытовых конфликтов и др. Иногда надругательства над уже убитым человеком квалифицируются как действия с особой жестокостью. Здесь, конечно, никакого садизма нет, потому что мёртвому невозможно причинить страдания и мучения.

5. Корыстолюбивый. Этот тип объединяет множество корыстных убийц, особенно если корысть и корыстолюбие понимать расширенно. Мотив соответствующего преступления нужно воспринимать не только как захват материальных благ, прежде всего денег, но и авторитета, власти, удовлетворения своих амбиций. Это не только общеуголовные корыстные убийства, совершаемые во время разбойных и бандитских нападений, семейно-бытовых конфликтов и т.д., но и те, которые имеют место во время войн в отношении военнопленных и мирного населения, концлагерях, тюрьмах и др. Иными словами, убийства из корысти могут быть как делом рук бандитов, так и государственных тиранов.

Такого рода преступников отличает высокая тревожность, но, в отличие от других преступников, она у них ровная, в большинстве случаев без эмоциональных всплесков, особенно если убийство готовится заранее, или они являются наёмными профессиональными убийцами.

Общегуловые убийцы, обычно находясь в нетрезвом состоянии, часто не намерены убивать, а лишь нанести некоторые телесные повреждения, пусть даже и серьёзные. Орудуют чаще не оружием, а предметами, которые можно использовать для нанесения тяжкого вреда другому: топорами, камнями, кухонными ножами, предметами мебели и т.п. Особенно же опасны вооружённые банды, нападающие на банки, ювелирные магазины, инкассаторов.

Вообще, в стране увеличилось количество вооружённых нападений, а убийство стало привычным способом решения экономических и даже политических задач. Поэтому появились, точнее – получили дальнейшее развитие, типы профессионального убийцы и члена организованной преступной банды, который используется для расправы над неугодными.

Что касается насилия в политике, то в этом нет ничего нового. В СССР, как и в других тоталитарных странах (Германия, Италия, Китай и др.), убийство всегда было повседневным орудием политики, хотя в некоторых случаях облекалось в лживые одежды судебных решений. В.В. Ульриха и А.Я. Вышинского вполне можно зачислить в ряды профессиональных убийц, а их корысть состояла в достижении или закреплении за ними высокого должностного положения со всеми вытека-

ющими отсюда материальными благами. Следует отметить, что Гитлер в отличие от Сталина почти не прибегал к судебным расправам над политическими противниками, особенно после провала процесса над поджигателями рейхстага, он «просто» убивал их.

Нет сомнений, что большинство или почти все корыстные убийцы, особенно из числа политических и профессиональных, относятся к числу некрофильских.

6. Ревнивый. Этот тип личности убийцы берёт своё начало в животном мире, когда движимые инстинктами самцы сражаются с другими самцами за самок. За многие тысячелетия этот инстинкт приобрёл вполне цивилизованный характер как одно из самых глубоких чувств, прибавив к себе ещё соперничество женщин за мужчин. Не случайно тема ревности стала одной из самых распространённых в искусстве и литературе, а Отелло – синонимом ревности. Правда, А.С. Пушкин утверждал, что Отелло не ревнив, а доверчив, но это очень неверно: шекспировский герой был именно ревнив, подозрителен, мнителен.

Вместе с тем, очень часто за ревность принимают чувствования и переживания, которые не имеют к ревности никакого отношения. Например, принято считать, что Карандышев в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница» убил Ларису Огудалову из ревности. Её убийство произошло по другой причине: она предпочла Карандышеву, жалкому, ничтожному чиновнику богатого и блестящего Паратова, тем самым нанеся первому тяжкое унижение, показав ему его истинное место. Карандышев был тяжко оскорблён.

Лица, убивающие из ревности, отличаются подозрительностью, ри-

гидностью, мстительностью и даже паранояльностью, одержимостью одной эмоцией, склонностью к непродуманным решениям и действиям, склонны доверять различным слухам и домыслам.

В ситуациях ревности действительно иногда можно отметить элементы унижения, когда предпочитают более богатую (богатого), более удачливую (удачливого), молодую (молодого) и т.д. Часто супружеская или иная измена имеет место не в результате более или менее холодного расчёта, по любви или минутному увлечению, а иногда «просто так», из-за легкомыслия, распушенности, нежелания сдерживаться и т.д.

7. Мстящий. Этот тип близко при-мыкает к ревнивому и может содержать в себе элементы садизма, некрофилии и хулиганства. Совершенно невозможно привести перечень факторов (обстоятельств, ситуаций), которые могли бы стать причиной, поводом или предлогом вместе. Они лежат в области государственных, общественных, политических, личных и иных взаимоотношений. Убийства часто зависят не от оскорбляющего, не от объективных обстоятельств, а от личности и воспринимающего.

8. Непредумышленный. Этот тип составляют те, для которых совершённое ими убийство было неожиданностью. Их можно, как минимум, разделить на два подтипа:

– те, которые совершили убийство в силу сложившихся обстоя-

тельств, например, тяжкого оскорбления со стороны жертвы, доселе ему незнакомой; в случае открывшейся ему измены любимого человека и другие преступления;

– те, которые в принципе могут использовать служебное оружие, но вовсе не готовившиеся убивать, например, при превышении пределов необходимой самообороны или при превышении мер для задержания лица, совершившего преступление.

Следует помнить, что представители этих двух последних типов убийц – «ревнивых» и «непредумышленных» – представляют собой как личности меньшую общественную опасность.

Здесь перечислены только те типы убийц, которые мы считаем основными. Вполне возможно существование и иных, которые послужат удачным дополнением к вышеназванным.

Типология любых категорий преступников обязательна, они, как и все люди, не схожи друг с другом, хотя некоторые общие черты у них всех есть.

Типология личности убийц совершенно необходима для расследования преступлений, построения следственных версий, тактики допроса, правильной классификации преступлений, определения наказания. Особенно она важна при исполнении наказаний, когда осуществляется индивидуальная работа с осуждённым, которая неизбежно должна носить психотерапевтический характер.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонян Ю.М. Некрофилия: психолого-криминологические и танатологические проблемы: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 240 с.
2. Антонян Ю.М. Некрофильские убийцы // Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 7 (116). С. 200–224.

3. Антонян Ю.М. Психологические особенности убийц и причинивших тяжкий вред здоровью // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2 (10). С. 143–149.
4. Антонян Ю.М. Садизм и некрофилия в механизме совершения убийств // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 195–200.
5. Антонян Ю.М., Еркубаева А.Ю. Преступления из хулиганских побуждений: объяснение и мотивы // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 129–132.
6. Антонян Ю.М., Могачев М.И. Уголовно-правовой и криминологический анализ убийств, совершённых при отягчающих обстоятельствах (по материалам эмпирического исследования) // Уголовное право. 2013. № 4. С. 109–115.
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: Перевод / Авт. вступ. ст. П.С. Гуревич. М.: Республика, 1994. 447 с.: ил.
8. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. 272 с.

REFERENCES:

1. Antonyan Yu.M. Nekrofiliya: psikhologo-kriminologicheskie i tanatologicheskie problemy: monografiya [Necrophilia: Psycho-Criminological and Thanatological Problems: monograph]. M., Yurlitinform, 2016. 240 p.
2. Antonyan Yu.M. Nekrofil'skie ubiitsy [Necrophilic killers] // Moskovskii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2016. No 7 (116). Pp. 200–224.
3. Antonyan Yu.M. Psikhologicheskie osobennosti ubiits i prichinivshikh tyazhkie vred zdorov'yu [Psychological characteristics of murderers and those who caused serious bodily injuries] // Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii. 2015. No 2 (10). Pp. 143–149.
4. Antonyan Yu.M. Sadizm i nekrofiliya v mekhanizme soversheniya ubiistv [Sadism and necrophilia in the mechanism of killing] // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2011. No 6. Pp. 195–200.
5. Antonyan Yu.M., Erkubaeva A.YU. Prestupleniya iz khuliganskikh pobuzhdenii: ob'asnenie i motivy [Hooliganism: explanation and motives] // Obshchestvo i pravo. 2014. No 2 (48). Pp. 129–132.
6. Antonyan Yu.M., Mogachev M.I. Ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii analiz ubiistv, sovershennykh pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh (po materialam empiricheskogo issledovaniya) [Criminal law and criminological analysis of murders committed under aggravating circumstances (empirical study)] // Ugolovnoe pravo. 2013. No 4. Pp. 109–115.
7. Fromm E. AnATOMiya chelovecheskoi destruktivnosti: Perevod / Avt. vstup. st. P.S. Gurevich [Anatomy of Human Destructiveness: Translation / Ed. introd. article by P.S. Gurevich]. M.: Respublika, 1994. 447 p., il.
8. Fromm E. Begstvo ot svobody [Escape from Freedom]. M., Progress, 1990. 272 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонян Юрий Миранович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Института экономики, управления и права Московского государственного областного университета, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник МВД РФ;
e-mail: antonyaa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yury Miranovich Antonyan – the Leading Researcher of Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Honored Researcher of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;
e-mail: antonyaa@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Антонян Ю.М. Типология убийц // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. №3. С. 15–28.
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-15-28

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Antonyan Yu.M. The Typology of Murderers // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Law. 2016. №3. P. 15–28.
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-15-28

УДК 343.9

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-29-39

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Афанасьев П.Б.*Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя**117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье рассмотрены социально-демографические характеристики лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Приводятся сравнения по полу, возрасту, образованию, социальному положению и роду занятий, месту жительства. Сформулированы выводы относительно криминологической характеристики лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. В заключение суммируется, что личность исследованного вида преступника, обладающая целым рядом социально-демографических особенностей, представляет собой чрезвычайно сложное социальное явление и самостоятельную научную проблему, разработка которой необходима в целях успешного противодействия преступности.

Ключевые слова: пол, возраст, образование, род занятий, социальное положение, место жительства, насильственный преступник, личность преступника.

SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF PERPETRATORS PLEADED GUILTY IN INTENTIONAL INFLICTION OF GRIEVOUS BODILY HARM

P. Afanasiev*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.I. Kikot'**12, Academician Volgin street, Moscow, 117437, Russian Federation*

Abstract. The article presents socio-demographic characteristics of perpetrators intentionally inflicting grievous bodily harm. The perpetrators are compared by sex, age, education, social status, occupation, and place of residence. The author concludes that the perpetrators of intentional infliction of grievous bodily harm present themselves an extremely difficult social phenomenon that requires serious research to successfully counteract criminality.

Key words: gender (sex), age, education, job, social status, place of residence, a violent criminal, the identity of the offender.

Личность преступника как центральный элемент механизма индивидуального преступного поведения представляет собой определённую совокупность социально значимых признаков, свойств, связей, сочетание которых с иными условиями и обстоятельствами влияет на совершение преступления [6, с. 66; 2, с. 29–32; 1, с. 12–16]. Следовательно, глубина познания специфических свойств

личности преступника и социально-го происхождения её криминологически значимых свойств [4, с. 622] в определённой степени предопределяет эффективность профилактической деятельности правоохранительных органов, в том числе по нейтрализации криминообразующих признаков лиц, совершающих умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

В концепциях большинства криминологов в структуре личности преступника выделяется социально-демографическая составляющая. Совокупность признаков, образующих её, занимает достаточно важное место в криминологической характеристике личности, поскольку демографические явления общества, связанные с условиями формирования личности и её образа жизни, находят отражение в поведении людей посредством тех социальных ролей, которые ими выполняются в соответствии с их социально-демографическим статусом [4, с. 623].

К социально-демографическим признакам принято относить пол, возраст, образование, семейное положение, место жительства, социальное и

должностное положение, материальное положение, жилищно-бытовые условия человека и иные показатели.

Пол преступников. Согласно статистическим данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2015 г. за совершение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью было выявлено 27 752 лица, что на 7,6 % меньше, чем в 2014 г. Из них 5 018 составляют женщины¹.

В 2015 г. соотношение женщин и мужчин, выявленных за совершение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, составило 18,08 % и 81,92 % соответственно (рис. 1), а в общем числе осуждённых – 17,9 % и 82,1 % соответственно [5]. Доля мужчин значительно преобладает над долей женщин. Очевидно, что мужчинам свойственен насильственный тип поведения. Между тем в исследуемый период в 1997–2015 гг. обращает на себя внимание тенденция ежегодного увеличения значения удельного веса женщин в общей численности лиц, выявленных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Так, анализируемый показатель с 2002 по 2015 гг. увеличился на 51 % (рис. 1).

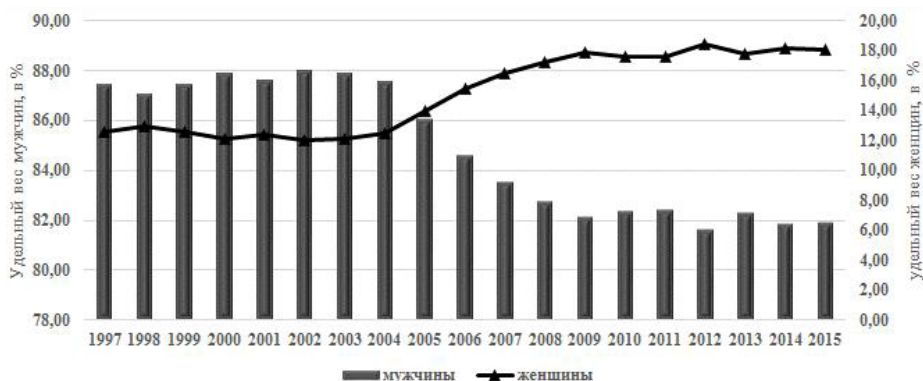

Рис. 1. Удельный вес мужчин и женщин в структуре лиц, выявленных за совершение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (в%).

¹ Форма 4-ЕГС (494) «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» за 2015 г.

Интересные данные выявляются в результате сравнительного анализа показателей удельного веса мужчин и женщин, выявленных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в структуре всех выявленных преступников по полу за 1997–2015 гг. Статистические данные свидетельствуют о смене тренда с 2005 г., в результате чего показатели удельного веса женщин стали преобладать над мужчинами (рис. 2), что, несомненно, негативно характеризует качествен-

ную составляющую анализируемой преступности.

В криминологическом отношении важно установить в механизме индивидуального преступного поведения значимость не только биологических различий между мужчиной и женщиной, их психофизиологических особенностей поведения (повышенная тревожность, импульсивность, женская впечатлительность и т.д.), но и социальных условий и требований, предопределяющих роль мужчины и женщины в обществе [7; 8].

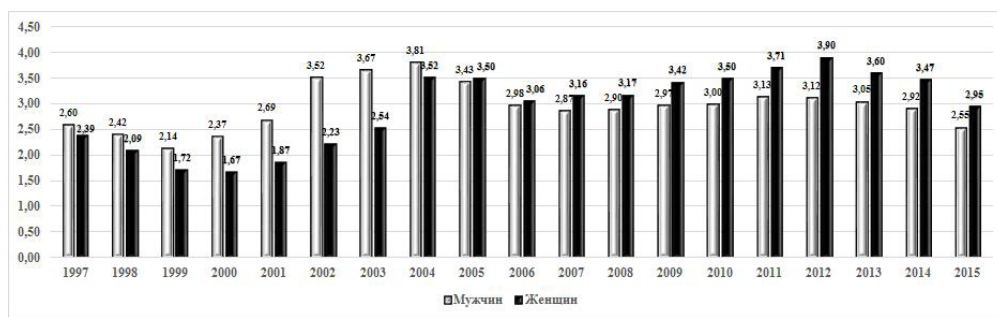

Рис. 2. Удельный вес выявленных мужчин и женщин за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в структуре всех выявленных мужчин и женщин соответственно (в%).

Возраст преступников. Возрастная криминологическая характеристика лиц, выявленных за совершение преступлений, осуществляется в целях определения криминальной активности отдельных возрастных групп и установления особенностей девиантного поведения людей различного возраста. Исследования показали,

что в 2015 г., как и в предшествующие годы, большинство лиц, выявленных за совершение преступлений, принадлежали к возрастной группе 30–49 лет (50 %). Также достаточно криминогенно активными являлись возрастные группы 25–29 лет (19 %) и 18–24 лет (15 %) (см. табл. 1, рис. 3)¹.

Таблица 1

Динамика выявления лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, по возрасту

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего выявлено лиц	40683	38439	36947	37121	34150	33552	32730	31705	30048	27752

¹ Форма 2-ЕГС (492) «Сведения о лицах, совершивших преступления».

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
14-15 лет	547	491	341	286	250	195	187	166	162	163
Доля лиц в возрасте 14-15 лет (в%)	1,3	1,3	0,9	0,8	0,7	0,6	0,6	0,5	0,5	0,6
16-17 лет	2487	2120	1748	1430	1118	865	699	681	617	526
Доля лиц в возрасте 16-17 лет (в%)	6,1	5,5	4,7	3,9	3,3	2,6	2,1	2,1	2,1	1,9
18-24 года	10956	10098	9647	8940	7771	7488	6610	6071	5070	4069
Доля лиц в возрасте 18-24 года (в%)	26,9	26,3	26,1	24,1	22,8	22,3	20,2	19,1	16,9	14,7
25-29 лет	7021	6574	6353	6509	6040	6074	5957	5906	5654	5174
Доля лиц в возрасте 25-29 лет (в%)	17,3	17,1	17,2	17,5	17,7	18,1	18,2	18,6	18,8	18,6
30-49 лет	15405	14994	14788	15512	14542	14624	14705	14551	14364	13828
Доля лиц в возрасте 30-49 лет (в%)	37,9	39,0	40,0	41,8	42,6	43,6	44,9	45,9	47,8	49,8
50 лет и старше	4267	4162	4070	4444	4429	4306	4572	4330	4181	3992
Доля лиц в возрасте 50 лет и старше (в%)	10,5	10,8	11,0	12,0	13,0	12,8	14,0	13,7	13,9	14,4

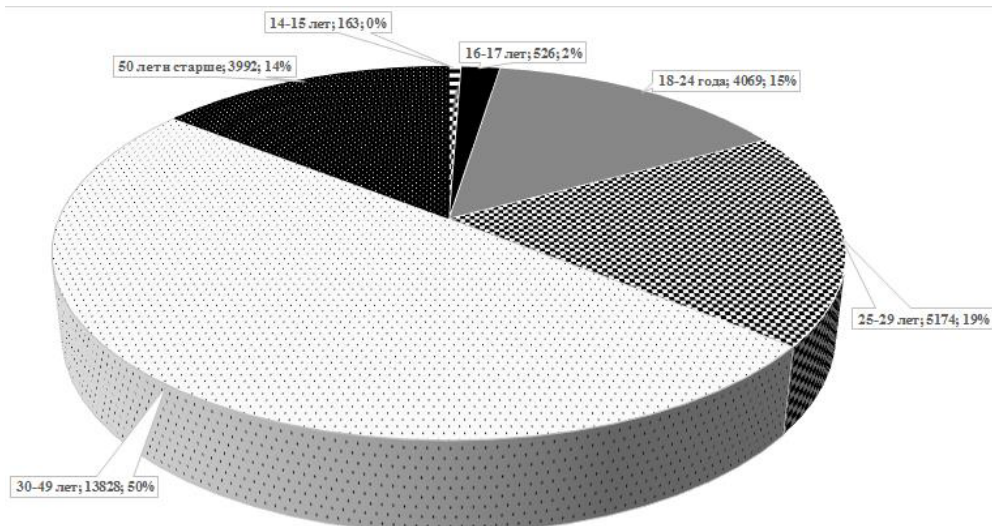

Рис. 3. Удельный вес выявления лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, по возрасту.

Анализ показателей динамики среднего возраста лиц, выявленных за совершение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, свидетельствует о тенденции увеличения возраста виновных лиц, т.е. их взросления. Так, если в 2003 г. средний возраст ви-

новного лица составлял 32,7 года, то в 2015 г. он равнялся 37,1 годам. Очевидно, что лица возрастной группы 30–49 лет вносят существенный вклад в формирование различных социальных явлений не только здорового, но и социально-патологического характера.

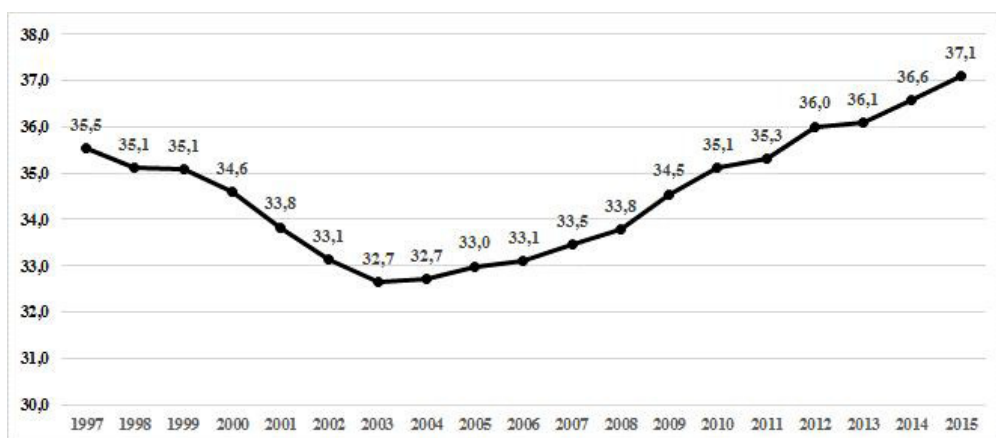

Рис. 4. Динамика среднего возраста лиц, выявленных за совершение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью.

Уровень образования преступников. Не менее значимой криминологической характеристикой личности преступника является её образование, определяющее уровень развития личности. Бесспорно, отсутствует прямая взаимосвязь между уровнем образования и противоправной формой поведения, существует более сложная зависимость. Уровень образования относится к числу условий, которые как прямо, так и косвенно оказывают влияние на процесс формирования личности, в том числе её интересы, потребности, культуру, правосознание и т.д. [3, с. 50–54]. Образовательный уровень рассматриваемой категории преступников невысок. Так, согласно данным ФКУ «ГИАЦ МВД

России», из общего количества лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, 4,5 % имели высшее профессиональное образование, 31,4 % – среднее профессиональное, 38,5 % – среднее общее и среднее основное, 25,5 % – начальное и основное общее (см. табл. 2). Между тем в последние годы наблюдается динамика ежегодного незначительного роста показателя уровня образованности лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Представляется, что данная тенденция обусловлена скорее не реальным повышением уровня образованности населения, а доступностью образования в России, расширением возможности его получения.

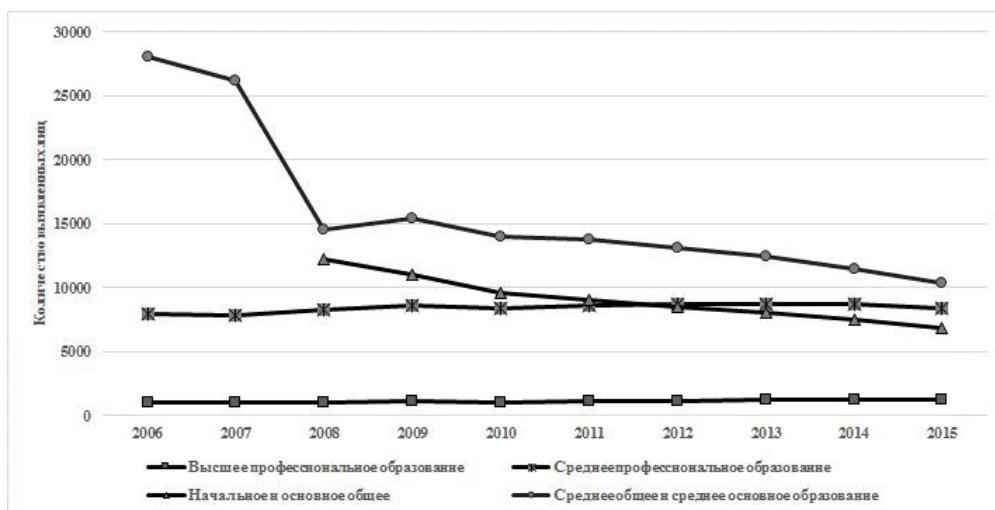

Рис. 5. Динамика выявления лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, по уровню образования.

Таблица 2

Уровень образования лиц, выявленных за совершение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (в %)

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Высшее профессиональное образование	2,7	2,9	2,7	3,1	3,2	3,5	3,7	4,2	4,2	4,5
Среднее профессиональное образование	21,6	22,4	22,9	23,7	25,3	26,4	27,6	28,6	30,2	31,4
Среднее общее и среднее основное образование	75,7	74,7	40,4	42,7	42,5	42,3	41,8	40,8	39,7	38,5
Начальное и основное общее			34,0	30,5	29,0	27,8	26,9	26,4	25,9	25,5

Социальное положение и род занятий преступников. В рамках криминологической характеристики личности представляет интерес социальный состав выявленных за совершение преступления лиц. Познавание сферы интересов личности, навыков, рода её деятельности необходимо в целях получения более полного представления о преступнике.

Согласно статистическим данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», среди лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, преобладают лица без постоянного источника доходов (66,85 %), наёмные работники (22,23 %), занимающиеся, как правило, неквалифицированным трудом.

Таблица 3

**Социальное положение лиц, выявленных за совершение умышленного
причинения тяжкого вреда здоровью**

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего выявлено лиц	40683	38439	36957	37129	34152	33552	32730	31705	30048	27752
Наёмные работники (рабочих)	8211	8131	8070	7274	6693	6786	7128	7047	6959	6170
Доля наёмных работников (рабочих) (в%)	20,18	21,15	21,84	19,59	19,60	20,23	21,78	22,23	23,16	22,23
Служащих	726	696	533	589	496	471	474	396	365	357
Доля служащих (в%)	1,78	1,81	1,44	1,59	1,45	1,40	1,45	1,25	1,21	1,29
Работники сельского хозяйства	197	151	125	150	100	103	113	89	61	76
Доля работников сельского хозяйства (в%)	0,48	0,39	0,34	0,40	0,29	0,31	0,35	0,28	0,20	0,27
Работники государственного управления	18	7	33	29	43	38	42	45	39	46
Доля работников государственного управления (в%)	0,04	0,02	0,09	0,08	0,13	0,11	0,13	0,14	0,13	0,17
Предприниматели	46	118	124	184	172	245	219	218	222	190
Доля предпринимателей (в%)	0,11	0,31	0,34	0,50	0,50	0,73	0,67	0,69	0,74	0,68
Учащиеся и студенты	1977	1847	1558	1383	1189	1031	881	851	806	685
Доля учащихся и студентов (в%)	4,86	4,81	4,22	3,72	3,48	3,07	2,69	2,68	2,68	2,47
Лица без постоянного источника дохода	26917	25136	24232	25518	23577	23000	22037	21291	19965	18553
Доля лиц без постоянного источника дохода (в%)	66,16	65,39	65,57	68,73	69,04	68,55	67,33	67,15	66,44	66,85

Схожие данные были получены нами в результате изучения 1 486 статистических карточек первичного учёта на лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в Московской области в 2014 г.: 63,26 % – трудоспособные лица, без определённого рода занятий; 21,06 % – наёмные рабочие, 4,17 % – служащие коммерческих или иных организаций, 7,4 % – лица, находящиеся на социаль-

ном обеспечении; 0,94 % – учащиеся и студенты, 0,61 % – иждивенцы (табл. 4). Результаты исследования свидетельствуют о крайне низкой мотивации к трудоустройству и отсутствию навыков самостоятельного поиска работы.

Данные исследования свидетельствуют, что большинство из числа выявленных виновных (61,1 %) заняты в малоквалифицированных видах труда (подсобный рабочий, курьер, водитель,

технический и обслуживающий персонал и т.д.) (табл. 5). Нередко низкому социальному статусу и должностному положению соответствует недостаточно высокий образовательный уровень.

Всё это является не только малопривлекательным для работодателя, но и препятствием для их трудоустройства, разрешения имущественных, жилищных и иных проблем.

Таблица 4

Социальное положение лиц, выявленных за совершение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, в Московской области в 2014 г. (в %).

Всего выявлено лиц	1486
Иждивенец	0,61
Лицо, без постоянного источника дохода	63,26
Лицо, находящееся на социальном обеспечении	7,4
Официально безработный	1,48
Служащий	4,17
Рантье, землевладелец	0,13
Предприниматель	0,2
Лицо, избранное в состав территориального органа общественного управления	0,07
Наёмный рабочий	21,06
Студенты и учащиеся	0,94
Представители научной и творческой интеллигенции	0,07

Таблица 5

Род деятельности лиц, выявленных за совершение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, в Московской области в 2014 г. (в %).

Всего выявлено лиц	239
Рабочий	55,2
Военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов, работники судов, адвокаты, охранники	15,9
Служащие	15,5
Лица, выполняющие управленческие функции	3,8
Работники сферы общественного питания, торговли и т.д.	2,9
Категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам (ст. 447 УПК РФ), депутаты, служащие федеральных органов исполнительной власти	0,4
Технический и обслуживающий персонал	4,2
Водители	1,7
Предприниматели	0,4

Место жительства преступника. Как показало проведённое исследова-

ние, большая часть лиц, выявленных за совершение умышленного причине-

ния тяжкого вреда здоровью, в Московской области в 2014 г. были местными жителями (70,8 %), 14,1 % – приезжими из других стран СНГ, 9,9 % – приезжи-

ми из других регионов Российской Федерации, 2,9 % – жителями г. Москвы, 2,2 % – бомжами, 0,2 % – лицами без гражданства (табл. 6).

Таблица 6

Место жительства лиц, выявленных за совершение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, в Московской области в 2014 г. (в %).

	Всего	Доля (%)
Всего выявлено лиц	1218	100
Местный житель (МО)	862	70,8
Житель другой области, края, республики, входящей в состав России	120	9,9
БОМЖ	27	2,2
Житель другой республики СНГ	172	14,1
Лицо без гражданства	2	0,2
Жители Москвы	35	2,9

Изучение социально-демографических характеристик лиц, выявленных за совершение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, позволяет представить следующий обобщённый портрет: это лица мужского пола в среднем возрасте 37 лет, со средним и средним профессиональным образованием, без постоянного источника дохода или занятого малоквалифицированными видами труда, в трети процентов случаев – приезжие из других

регионов Российской Федерации или стран СНГ.

Таким образом, возможно заключить, что личность исследованного вида преступника, обладающая целым рядом социально-демографических особенностей, представляет собой чрезвычайно сложное социальное явление и самостоятельную научную проблему, разработка которой необходима в целях успешного противодействия преступности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьева О.Р. Основные вопросы в познании механизма социальных последствий насильственной преступности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (31). С. 20–22.
2. Гончарова М.В. Методологические подходы к определению личности корыстного преступника-рецидивиста // Российский следователь. 2014. № 2. С. 29–32.
3. Гончарова М.В. Социально-демографическая характеристика корыстного рецидивиста // Научный портал МВД России. 2013. № 3 (23). С. 50–54.
4. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник для магистров. В 2 т. Т. I. Общая часть. М.: Изд-во Юрайт, 2012. 1003 с.
5. Отчёт о составе осуждённых, месте совершения преступления за 12 месяцев 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 12.09.2016).

6. Сахаров А.Б. Учение о личности преступника // Советское государство и право. 1968. № 9. С. 64–69.
7. Шиян В.И. Криминологическая характеристика личности женщин, совершающих насильственные преступления. М.: ВНИИ МВД России, 2007. С. 61
8. Шиян В.И. Социально-демографическая характеристика личности женщин-преступниц // Преступность, уголовная политика, закон. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2016. С. 93–98.

REFERENCES:

1. Afanas'eva O.R. Osnovnye voprosy v poznanii mekhanizma sotsial'nykh posledstviy nasil'stvennoi prestupnosti [The main issues in the study of the mechanism of social consequences of violent crime] // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2013. No 1 (31). P. 20–22.
2. Goncharova M.V. Metodologicheskie podkhody k opredeleniyu lichnosti korystnogo prestupnika-retsidivista [Methodological approaches to the definition of hardened criminal's personality] // Rossiiskii sledovatel'. 2014. No 2. P. 29–32.
3. Goncharova M.V. Sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika korystnogo retsidivista [Socio-demographic characteristics of a hardened criminal] // Nauchnyi portal MVD Rossii. 2013. No 3 (23). P. 50–54.
4. Luneyev V.V. Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii: uchebnik dlya magistrrov. V 2 t. T. I. Obshchaya chast' [The Course of World and Russian Criminology: the textbook for masters. In 2 vol. T. I. General part]. M., Izd-vo Yurait, 2012. P. 1003.
5. Otchet o sostave osuzhdennykh, meste soversheniya prestupleniya za 12 mesyatsev 2015 g. [Elektronnyi resurs]. [2015 Annual Report on the Composition of Convicts and the Scenes of Crime [Electronic resource]]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (request date 12.09.2016).
6. Sakharov A.B. Uchenie o lichnosti prestupnika [The theory of criminal identity] // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1968. No 9. 64–69.
7. Shiyani V.I. Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti zhenshchin, sovershayushchikh nasil'stvennye prestupleniya [Criminological Characteristics of the Personalities of Women Committing Violent Crimes]. M., VNII MVD Rossii, 2007. P. 61.
8. Shiyani V.I. Sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika lichnosti zhenshchin-prestupnits [Socio-Demographic Characteristics of Female Criminals] // Prestupnost', ugolovnaya politika, zakon [Crime, criminal policy, law]. M., Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2016. P. 93–98.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Афанасьев Павел Борисович – преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя;
e-mail: vivat.79@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel Borisovich Afanasiev – Lecturer of the Department of the Police Units Operating in Special Conditions at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.I. Kikot';
e-mail: vivat.79@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Афанасьев П.Б. Социально-демографическая характеристика лиц, совершающих умышленное причинение тяжкого вреда здоровью // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. №3. С. 29–39.

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-29-39

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Afanasiev P.B. Socio-Demographic Characteristics of Perpetrators Pleaded Guilty in Intentional Infliction of Grievous Bodily Harm // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Law. 2016. №3. P. 29–39.

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-29-39

УДК 341.91

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-40-49

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Афанасьева О.Р., Гончарова М.В.*Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации**123995, Москва, Г-69, ГСП-5, ул. Поварская, д. 25, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрены криминологические представления о личности современного преступника, проанализированы официальные статистические данные МВД России о лицах, совершающих преступления на территории Российской Федерации, представлены типы преступников – корыстный, насильственный, рецидивный и др. Описаны некоторые характерные особенности наиболее распространённых криминальных типов. В заключение подытоживается, что преступники отличаются друг от друга по многим значимым параметрам и не учитывать этого – значит заведомо не иметь возможности целенаправленно и дифференцированно вести борьбу с различными проявлениями преступности.

Ключевые слова: статистические данные, личность преступника, корыстный преступник, насильственный преступник, рецидивист, преступное поведение, тип.

OFFENDER PROFILE

O. Afanasyeva, M. Goncharova*The Whole-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia**25, Povarskaya street, G-69, GSP-5, Moscow, 123995, Russian Federation*

Abstract. The article deals with criminological views on criminal personality. The authors analyzed the statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia concerning the offenders committing crimes on the territory of the Russian Federation and identified the types of criminals – mercenary criminal, violent criminal, repeat offender and others. The features of the most spread types are described and the conclusion is made that offenders are different from each other by many factors the consideration of which cannot be ignored otherwise crime fighting would not be either precise or differential.

Key word: statistics, offender profile, mercenary criminal, violent criminal, repeat offender, criminal behavior, type.

В современных условиях особенно возрастает роль научных знаний о личности преступника, выступающей центральным звеном механизма преступного поведения, поскольку профилактическая деятельность правоохранительных органов не всегда эффективна, о чём, в частности, свидетельствуют высокие пока-

затели (как абсолютные, так и относительные) повторной преступности.

По этой причине предмет криминологии не может не включать изучение характеристик лиц, совершающих преступления, имеющих огромное практическое значение, в первую очередь для профилактики преступлений, поскольку невозможно противостоять кому-либо и чему-либо, не зная его природу и истоки. Именно научное исследование личности создаёт необходимые теоретические предпосылки как для разработки эффективного механизма противодействия преступности, так и прогнозирования индивидуального преступного поведения.

Криминологическое исследование личности преступника осуществляется для выявления и оценки тех её свойств и черт, которые детерминируют и сохраняют преступное поведение. Принимается во внимание не столько конкретный индивид, совершивший преступное деяние, сколько общее, характерное для подобных лиц. Это понятие абстрактное, оно не только представляет собой сущность такого аморфного явления, как среднестатистический портрет личности преступника, но и служит криминологической моделью изучения преступников и в целом тех, кто склонен к совершению правонарушений.

В этой связи закономерен вопрос, с какого момента начинается личность преступника и когда она заканчивается. Ясно, что совокупность качеств личности, детерминирующих преступление, возникает не в момент его совершения, а складывается в процессе всей предшествующей социальной практики индивида. Также эта совокупность не исчезает одновременно

с совершением преступного деяния. Последующие события и обстоятельства жизни индивида, в особенности репрессивная часть, проблемы социальной адаптации, несомненно, влияют на личность преступника, изменяя в той или иной степени различные её черты.

С уголовно-правовой точки зрения о личности преступника может идти речь только тогда, когда лицо признано судом виновным в преступлении или хотя бы тогда, когда оно выступает в уголовном процессе в качестве подозреваемого или обвиняемого, и заканчивается в момент исполнения или отбывания наказания и погашения судимости. В этом случае признание лица преступником определяется строго законом. Сведения о таких лицах находят отражение в статистических учётах. Их изучение выступает начальным этапом познания личности тех, кто совершает преступления.

Статистические данные о преступлениях и лицах, их совершивших на территории Российской Федерации, формируемые ФКУ «ГИАЦ МВД России» (1997–2015 гг.), позволяют определить число преступников, их социально-демографические и уголовно-правовые характеристики. В последние годы **динамика лиц**, выявленных за совершение преступлений, колебалась в пределах 1 741,4 тыс. – 1 000,1 тыс. человек. В 2015 г. было выявлено 1063,03 тыс. таких лиц (+6,3 %).

Социально-демографические характеристики личности преступника:

1. Пол. Большинство преступников – мужчины (84 % в 2015 г.), однако в период с 1997 г. по 2015 г. доля женщин-преступниц увеличилась с 13,6 % до 16 %. Это связано с ростом числа

женщин, всё более отдаляющихся от «домашнего» образа жизни и включающихся в активную социальную жизнь.

2. Возраст имеет важное криминологическое значение, поскольку предопределяет не только физическое состояние и возможности лица, но и оказывает влияние на формирование круга потребностей, интересов, ценностных ориентаций, стремлений и желаний. С возрастом происходят не только изменения организма человека физиологического и психологического характера, но и преобразуются социальные роли, привычки личности, мотивация её поступков, реакции на возникающие конфликтные ситуации и т.д. [4, с. 160]. Подобные изменения сказываются на поведении личности, в том числе криминальном.

В 2015 г. выявлено 17 046 лиц, совершивших преступления в возрасте 14–15 лет, 38 319 – 16–17 лет, 201 648 – 18–24 лет, 199 434 – 25–29 лет, 497 757 – 30–49 лет, 108 829 – 50 лет и старше. Иными словами, наибольшей криминальной активностью обладает возрастная группа 30–49 лет (46,8 %). При этом криминогенно активными являлись также возрастные группы 18–24 года (19 %) и 25–29 лет (18,8 %).

В 2015 г. выявлено 55 365 (+2,4 %) несовершеннолетних преступников. Несмотря на то, что их удельный вес среди лиц, совершивших посягательства, снизился и составил 5,2 %, наблюдается негативная тенденция роста коэффициента их криминальной активности. Ещё одна негативная тенденция – увеличение числа правонарушителей из среды учащихся и студентов, а также ранее совершавших преступления и совершивших преступления в состоянии опьянения.

3. Образовательный уровень лиц, совершающих преступления, выступает важнейшим элементом социальной характеристики, поскольку он связан с культурно-нравственными установками личности, с кругом контактов, жизненных планов и возможностей их реализации. Уровень образованности среднестатистического преступника традиционно ниже, чем у законопослушных граждан, что находит подтверждение в статистических данных.

Так, большую часть преступлений в 2015 г. совершали лица, имеющие среднее общее и основное образование – 37,3 %; лица, имеющие начальное и основное общее образование, составили 21,8 %; среднее профессиональное – 29,3 %, и высшее профессиональное – 8,3 %. Иными словами, преступники в основной своей массе не обладают образованием, достаточным для нормальной социализации в условиях современного общества. Вместе с тем имеет место тенденция увеличения числа лиц, совершивших преступления, с высшим образованием: в 1997 г. она составляла 4 %, а к 2015 г. выросла до 8,3 %, что определяется, по нашему мнению, доступностью высшего образования. Более того, высокая образованность не всегда выполняет роль барьера, разделяющего преступников и правопослушных граждан, и, следовательно, не является гарантом социально одобряемого поведения.

4. Социальный состав и род занятий преступников. Род занятий позволяет судить об интересах личности, а также имеющихся у неё навыках и специальности. В криминологическом плане значимы сведения и о лицах, не работающих и не имеющих постоянного источника дохода, поскольку они

образуют наиболее криминогенный контингент.

По роду занятий преступники – преимущественно лица без постоянного источника доходов (66,5 %), рабочие (19,4 %), служащие (3 %), индивидуальные предприниматели – 1,1 %, работники государственного управления (0,5 %), работники сельского хозяйства (0,3 %), а также иные категории работников (3 %) и безработные (2 %). Понимая, что приведённые данные носят достаточно условный характер, по объективным причинам неполно отражая состояние занятости населения, можем сформулировать вывод, что большинство преступников обладают низким социальным статусом.

Уголовно-правовая характеристика личности преступника – это данные о направленности и мотивации антиобщественного и общественно опасного поведения, об индивидуальном или групповом характере преступной деятельности, о роли лица в ней, о её интенсивности (впервые совершённое преступление, прошлые судимости или фактический рецидив), длительности преступной деятельности, криминальном профессионализме, возрасте, с которого она началась и т.п.

Из числа лиц, совершивших преступления в 2015 г., каждый второй ранее совершал преступления (552 582 человек, 52 %). Из них 28,2%, т.е. 299 933 выявленных лиц, были ранее судимыми. Подобная особенность свидетельствует об антиобщественной направленности таких лиц, о низкой эффективности постпенитенциарной профилактики преступлений.

Таким образом, среди наиболее значимых криминологических особенно-

стей, касающихся лиц, совершающих преступления и отражённых в статистической отчётности, можно выделить:

- увеличение доли женщин и несовершеннолетних, привлечённых к уголовной ответственности;
- наибольшую криминальную активность возрастных групп 30–49-, 18–24- и 25–29-летних;
- преобладание лиц без постоянного источника доходов и с низкой профессиональной квалификацией;
- рост числа повторных преступников.

Современные сложные криминальные процессы не позволяют представить личность преступника, которая бы в себе одной сочетала унифицированные и обобщающие черты человека, совершающего самые разные преступления – незаконное усыновление, убийство, незаконное предпринимательство, злоупотребление полномочиями и т.д. Поэтому следующим этапом познания личности преступника выступает её типологизация, которой в криминологии всегда уделялось значительное внимание, поскольку «она фиксирует то главное, без чего не может быть личности преступника, вскрывает внутренние, устойчивые связи между существенными признаками и тем самым способствует обнаружению закономерностей, собственных преступнику как типу» [3, с. 55].

Основанием отнесения конкретной личности к определённому типу является установление свойств и их чаще всего повторяющихся устойчивых сочетаний, отражающих специфику личности. При этом учитывают, что не всякое сходное является типичным, а лишь

то, что «заключает в себе целостную, системообразующую характеристику, отражает особое общее качество» [2, с. 6]. Причисляя личность к определённому типу, выделяют «своеобразные черты, отличающие данного субъекта от множества других лиц, принадлежащих к иным типам» [5, с. 8].

В широком смысле с достаточной степенью условности могут быть выделены два основных типа личности преступника – корыстный и насильственный. Оба этих типа выступают характерными порождениями перманентно существующих в любом обществе социально-экономических проблем и противоречий.

Так, всякая индивидуальная потребность может стать источником корысти, поэтому любое умышленное деяние может быть отнесено к корыстному, если в законе не предусмотрен иной его мотив. В этом контексте к корыстным преступникам могут быть отнесены лица, совершившие карманные кражи, коррупционные деяния, убийства по найму, злоупотребления служебным положением, присвоение или растраты, мошенничества и рейдерские захваты, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, работоторговлю и торговлю оружием и драгоценными камнями и т.д.

В более узком понимании к корыстному преступнику относят лиц, совершающих под воздействием негативных личностных особенностей и социальных факторов противоправные деяния, в которых корыстная цель определяется законодателем в качестве основного результата преступной деятельности.

Наши многолетние исследования, посвящённые такой личности пре-

ступника, позволили определить её характеристики. 85 % таких преступников – мужчины. Наиболее криминогенными возрастными группами выступают 26–35 лет (52 %) и 18–25 лет (29,3 %). Преступную карьеру начинали в молодом возрасте (до 30 лет), а 10 % – в подростковый период. Образовательный уровень большинства корыстных преступников не высок: 71 % из них имеют среднее или среднее специальное образование, 19,7 % – неполное среднее. Лиц с высшим либо незаконченным высшим образованием выявлено всего лишь 7 %. 76,7 % заняты в малоквалифицированных видах труда (подсобный рабочий, курьер, уборщик, носильщик на вокзале и т.д.). Большинство корыстных преступников (около 80 %) предпочитают вести праздный образ жизни, занимая свой досуг, как правило, употреблением спиртных напитков, наркотиков, игрой в азартные игры и т.п. 10,3% корыстных преступников являются хроническим алкоголиками и 2,7% наркоманами. Социальный паразитизм – характерная черта такой личности.

Некоторая часть (44,3 %) корыстных преступников имеет патологические изменения в психике различной степени выраженности в рамках вменяемости.

Доля насильственных преступников в сравнении с корыстными незначительна, однако ввиду характера и степени общественной опасности личности виновного, посягающего на неотчуждаемые права и свободы человека, позволяет поставить их в один ряд. Проявление насилия – неотъемлемая составляющая человеческой цивилизации. С течением времени

оно приобрело системный характер, пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая «культурное насилие», «воспитательное насилие», «насилие экономики», «структурное насилие» – безличное, когда убивают не конкретные субъекты, а социальный строй, криминальное насилие [1, с. 224].

Для криминологов, естественно, первоочередной интерес представляют уголовно наказуемые формы агрессии. Так, к числу насильственных преступников относятся лица, совершающие различные по степени тяжести преступления – убийство, умышленное причинение вреда здоровью, похищение человека, изнасилование, насильственный грабёж, разбой, хулиганство и др., но, несмотря на такое разнообразие деяний, можно выделить общие признаки личностей тех, кто их совершает.

Насильственная преступность относится к категории молодёжной – наиболее криминогенно активный возраст составляет 18–29 лет. Насилие свойственно чаще малообразованным, недостаточно развитым и некультурным людям. У них слабее критическое отношение к собственному поведению, уже кругозор, примитивнее и грубее потребности и интересы, они менее сдержанны в своих стремлениях и желаниях, среди них распространён культ грубой физической силы. Более 60 % из них имеют различные психические аномалии. В составе насильственных преступников значительная доля лиц, не занятых к моменту совершения преступления общественно полезным трудом, не имеющих постоянного источника дохода. Их удельный вес постоянно растёт, нивелируется

в зависимости от вида совершённого преступного деяния и в среднем превышает 50 %.

Насильственных преступников отличает дефектность социальной идентификации, неудовлетворённость положением в обществе. У многих из них ярко выражена такая черта, как импульсивность. Она проявляется в сниженном самоконтроле, необдуманных поступках, а иногда и эмоциональной незрелости – инфантилизме. У таких лиц существенно деформирован или нарушен нормативный контроль. Нравственные и правовые нормы не оказывают на их поведение существенного влияния. Сложившуюся ситуацию они оценивают не с позиций нравственно-правовых требований общества, а исходя из личных переживаний и обид. Многим из них присущи черты аффективной ригидности. Они характеризуются стойким нарушением социальной адаптации, крайней диссоциализированностью. В насилии они усматривают единственное средство разрешения конфликтов.

Им свойственны также нарушения в сфере межличностного общения, неумение устанавливать контакты, ставить себя на место других, чрезмерная поглощённость собой, замкнутость, отчуждённость.

Оба этих типа – корыстный и насильственный – подробно изучены и представлены в криминологических исследованиях, что объяснимо не только понятным научным интересом к наиболее распространённым криминальным типам, но и достаточной доступностью источников информации о них. Не берясь оценивать латентность отдельных преступлений либо их групп, отметим существование та-

ких из них, актуальные и достоверные сведения о которых практически отсутствует. В этом смысле необходимо отметить так называемую «беловоротничковую преступность». Это понятие, как совокупности преступлений, совершаемых высокопоставленными лицами в сфере бизнеса в процессе профессиональной деятельности, в интересах как юридических лиц, так и в своих собственных, в 40-х годах XX в. ввёл американский криминолог Э. Сатерленд. С тех времён оно претерпело значительные трансформации, расширив круг субъектов данных преступлений. Однако признать этот тип преступника познанным затруднительно.

Ещё более «скрытыми» от исследователей остаются особенности такого типа личности высокоинтеллектуального преступника, как виновного в совершении гиперлатентных преступлений в сфере высоких технологий, профилактика которых наименее эффективна в сегодняшних условиях в силу обезличенности, невидимости субъектов данного преступления, а равно и их жертв.

Развитие преступности во многом обусловлено тем, что одни и те же лица повторно совершают преступления, приобретая устойчивые криминальные навыки, антиобщественные установки и интересы. В этой связи нельзя обойти вниманием личность повторного преступника, тем более что им совершается более половины всех посягательств.

Традиционно считается, что рецидивисты, особенно многократные, опытные преступники, являются наиболее активными представителями организованной преступности и во многих случаях становятся орга-

низаторами преступных сообществ. Представляется, что это не совсем так. Наши исследования, включающие и анализ личностных особенностей осуждённых, отбывающих наказание в исправительных колониях строгого режима, показали, что, несмотря на многократные судимости отдельных осуждённых, среди них в целом очень мало не только профессиональных преступников, и тем более участников организованных преступных групп, но и даже лиц, занимающих более или менее значительное место в преступной иерархии. Основная часть осуждённых – дезадаптированные лица (алкоголики, наркоманы, лица без определённого места жительства), и такой контингент характерен для двух последних десятилетий.

Такое положение может быть объяснено тремя причинами, существование которых возможно как вместе, так и по отдельности. Первая – профессиональные и организованные рецидивисты совершают свои деяния на таком высоком уровне, что не попадают в поле зрения правоохранительных органов. Вторая – профессиональные и организованные преступники почти полностью отошли от общеуголовных составов и сместили свои интересы в сторону гиперлатентных экономических и наиболее доходных преступных сфер. И третья, находящая подтверждение в эмпирических исследованиях, – рецидивисты начинают преступную жизнь и приобщаются к сопутствующим ей тяжёлым условиям в столь раннем возрасте, что опускаются на самое социальное дно, не успев достигнуть каких-то определённых «высот» в преступном обще-

стве, и просто после 45 лет «исчезают».

Представленные обобщённые типы личности современных преступников весьма условны, и внутри них нетрудно выделить достаточное число типов определённой специфики и «специализации», каждый из которых достоин отдельного комплексного исследования, что в большей степени будет отвечать целям противодействия преступности, включая профилактику индивидуального преступного поведения. Такая наша позиция может быть обоснована тем, что преступники отличаются друг от друга по многим значимым параметрам. Не учитывать этого – значит заведомо не иметь возможности целенаправленно и дифференцированно вести борьбу с различными проявлениями преступности. В связи с изложенным можно сформулировать следующие положения:

1) результаты изучения личности преступника, являясь важнейшей составной частью анализа преступности, должны определять содержание профилактических мероприятий и разрабатываемых государственных и региональных программ борьбы с преступностью;

2) недооценка и формальное отношение к индивидуальной профилактике преступлений лишает субъектов такой деятельности возможности вы-

являть проблемные вопросы, связанные с воздействием на личность преступника; определять направления, требующие научного исследования, и потребности в задействовании необходимых сил и средств; применять наиболее эффективные профилактические мероприятия. С целью преодоления выявленной проблемы необходимо привести действующее законодательство в соответствие с задачами непосредственного противодействия преступности;

3) необходимо проведение специальных прикладных криминологических исследований, направленных на изучение лиц, совершающих преступления в экономической сфере и сфере высоких технологий;

4) в целом современное состояние в области исследования личности преступника идёт по пути констатации социально-демографических и уголовно-правовых характеристик преступников, необоснованно обходя вниманием изучение мотивации преступного поведения. Для анализа столь сложного и многогранного явления требуется не только провозглашение применения комплексного подхода, но и конкретно-практическая междисциплинарная работа, которая, в свою очередь, создаст побудительный импульс к формированию новых тенденций и оригинальных концепций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гилинский Я.И. Социальное насилие: теория и российская реальность // Российский криминологический взгляд. 2008. № 2. С. 224–235.
2. Закалюк А.П., Коротенко А.И., Москалюк Л.Н. Проблемы социальной типологии личности правонарушителя и преступника // Проблемы изучения личности правонарушителя. Сборник научных трудов. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1984. С. 143–156.
3. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения: учебное пособие. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. 168 с.

4. Кондрашков Н.Н. Количественные методы в криминологии. Изучение количественных показателей, характеризующих личность преступников. М.: Юридическая литература, 1971. 184 с.
5. Ратинов А.Р. Методологические вопросы психологического изучения личности преступника // Психологическое изучение личности преступника (методы исследования). М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1976. С. 5–22.

REFERENCES:

1. Gilinskii YA.I. Sotsial'noe nasilie: teoriya i rossiiskaya real'nost' [Social violence: theory and Russian reality] // Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad. 2008. No 2. Pp. 224–235.
2. Zakalyuk A.P., Korotenko A.I., Moskalyuk L.N. Problemy sotsial'noi tipologii lichnosti pravonarushitelya i prestupnika [Problems of social typology of offenders and criminals] // Problemy izucheniya lichnosti pravonarushitelya. Sbornik nauchnykh trudov [Problems of studying of the person of the offender. Collection of scientific papers]. M., Izd-vo VNII MVD SSSR, 1984. Pp. 143–156.
3. Igoshev K.E. Tipologiya lichnosti prestupnika i motivatsiya prestupnogo povedeniya: uchebnoe posobie [The Typology of Offender's Individuality and Motivation of Criminal Behavior: a tutorial]. Bitter, Izd-vo GVSH MVD SSSR, 1974. 168 p.
4. Kondrashkov N.N. Kolichestvennye metody v kriminologii. Izuchenie kolichestvennykh pokazatelei, kharakterizuyushchikh lichnost' prestupnikov [Quantitative Methods in Criminology. The Study of Quantitative Indicators Characterizing Criminal Personalities]. M., Yuridicheskaya literatura, 1971. 184 p.
5. Ratinov A.R. Metodologicheskie voprosy psikhologicheskogo izucheniya lichnosti prestupnika [Methodological Issues of the Psychological Study of an Individual Offender] // Psikhologicheskoe izuchenie lichnosti prestupnika (metody issledovaniya) [Psychological Study of the Individual Offender (Research Methods)]. M., Izd-vo Vsesoyuznogo in-ta po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1976. Pp. 5–22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Афанасьева Ольга Романовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации;
e-mail: oljadiplom@mail.ru

Гончарова Мария Витальевна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра № 1 Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации;
e-mail: maria-g2009@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga Romanovna Afanaseva – Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Whole-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
e-mail: oljadiplom@mail.ru

Maria Vital'evna Goncharova – Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Whole-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

e-mail: maria-g2009@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Афанасьева О.Р., Гончарова М.В. Криминологический портрет личности преступника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 3. С. 40–49.

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-40-49

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Afanasyeva O.R., Goncharova M.V. Offender Profile // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Law. 2016. № 3. P. 40–49.

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-40-49

УДК 343.8

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-50-58

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Грушин Ф.В.*Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
Российской Федерации**390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются существующие в науке уголовно-исполнительного права взгляды на различные факторы, оказывающие влияние на действующую уголовно-исполнительную политику Российской Федерации. На основании анализа этих точек зрения автор делает вывод о необходимости комплексного исследования в данной области. Кроме того, с учётом конкретных примеров, в статье приводятся современные направления уголовно-исполнительной политики Российской Федерации: гуманизация исполнения наказаний, внедрение альтернативных наказаний и ряд других.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, уголовно-исполнительное законодательство, факторы, осуждённые.

FORM FACTORS AND MODERN TRENDS OF THE RUSSIAN PENAL POLICY

F. Grushin*Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of the Russian Federation
1, Sennaya street, Ryazan, 390000, Russian Federation*

Abstract. The article considers some views within the field of Criminal Executive Law studies on various factors influencing the current penal policy of the Russian Federation. Based on the analysis of these views the author makes a conclusion of the necessity of comprehensive research in this area. The article also provides examples of such modern trends in the penal policy of the Russian Federation as humanization of punishment, introduction of alternative punishments, and others.

Key words: penal policy, criminal executive law, factors, convicts.

Одной из основных задач государства является защита его граждан от преступных посягательств. Для достижения данной задачи государством осуществляется политика в сфере борьбы с преступностью. Мы придерживаемся позиции профессоров И.В. Шмарова и В.И. Селиверстова, в соответствии с которой данную политику можно достаточно условно разделить на *политику в сфере предупреждения преступности, уголовную и уголовно-исполнительную политику* [8, с. 4].

В науке уголовно-исполнительного права сформировалось достаточно устойчивое определение, в соответствии с которым уголовно-исполнительная политика – это часть внутренней политики государства в сфере борьбы с преступностью, которая определяет цели, задачи, принципы, стратегию, основные направления, формы и методы деятельности государства по обеспечению исполнения и отбывания уголовных наказаний, а также иных мер уголовно-правового характера.

Необходимо различать субъектов формирования уголовно-исполнительной политики и факторы, оказывающие влияние на неё. К субъектам относятся: Федеральное собрание РФ, Президент РФ и Правительство РФ.

Федеральное собрание РФ принимает федеральные законы (именно действующее законодательство является основной формой выражения политики), регулирующие процесс исполнения и отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства (ст. 80 Конституции РФ). Например, на основании Указа Президента РФ от 28 июля 1998 г. № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации» [10] до 1 сентября 1998 г. уголовно-исполнительная система МВД Российской Федерации с входящими в её состав по состоянию на 1

августа 1998 г. центральными и территориальными органами, учреждениями, предприятиями, организациями и имуществом, используемым ею в своей деятельности, была передана в ведение Минюста России. По большому счёту, данный указ в большей степени относится к административной политике государства, однако Президент РФ вправе издать любой указ, который будет определять основные направления внутренней политики государства, в том числе и уголовно-исполнительной.

Правительство РФ осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью (ст. 114 Конституции РФ). Одним из показательных примеров работы Правительства РФ по формированию уголовно-исполнительной политики является принятое им распоряжение от 14 октября 2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» [4]. Данная концепция определила цели, задачи, приоритеты и основные направления уголовно-исполнительной политики Российской Федерации на ближайшие годы. При этом распоряжением Правительства РФ от 23 сентября 2015 г. № 1877-р [3] некоторые положения концепции были существенно изменены. В частности, был отменён вызывающий столько критики в учёном сообществе переход на тюремную систему отбывания лишения свободы.

Таким образом, Федеральное Собрание РФ, Президент РФ и Правительство РФ определяют цель, задачи, стратегию и приоритетные направления уголовно-исполнительной поли-

тики. При этом принятые ими решения (в виде различных нормативных актов) формируются в результате воздействия системы самых разнообразных факторов.

Самостоятельные исследования системы факторов, влияющих на уголовно-исполнительную политику, практически отсутствуют. Отдельные аспекты теории факторов в уголовно-исполнительном праве рассматривали А.В. Бриллиантов, С.М. Зубарев, А.И. Зубков, В.Б. Малинин, М.П. Мелентьев, А.С. Михлин, А.Е. Наташев, В.И. Селиверстов, А.А. Толкаченко, В.А. Уткин, В.А. Фефелов, И.В. Шмаров, В.Е. Южанин и другие учёные. При этом среди учёных факторы рассматриваются в контексте уголовно-исполнительной политики без анализа их влияния на уголовно-исполнительное законодательство. Представляется достаточно интересным рассмотреть взгляды ведущих учёных в области уголовно-исполнительного права в исследуемой сфере.

Первое и, к сожалению, единственное относительно самостоятельное исследование в рассматриваемой сфере было проведено профессором А.Е. Наташевым в семидесятые годы прошлого века [2, с. 23]. В отличие от современных взглядов, профессор А.Е. Наташев разделял факторы, влияющие на появление уголовных наказаний и на формы и методы их исполнения. «В отличие от наказаний, формы и методы их исполнения, их развитие в меньшей степени обусловлены социально-экономическими условиями. В этой сфере в значительно большей мере испытывается воздействие политических, нравственных, религиозных и других факторов над-

строечного характера с постоянным возрастанием роли политики вообще, и карательной в частности» [11, с. 30]. Как полагал профессор А.Е. Наташев, советская исправительно-трудовая политика развивается под воздействием широкой совокупности объективных и субъективных факторов различной степени общности и значимости:

- развитие производительных сил и производственных отношений; экономико-географический фактор, хозяйственная политика, уровень материальной обеспеченности населения;
- развитие социально-политических принципов социализма, особенно таких, как социалистический демократизм, законность, гуманизм;
- повышение уровня культуры и сознательности населения, нравственные идеалы, общественное мнение и правосознание;
- состояние, структура и динамика преступности,
- уголовная политика и принципы уголовного права, содержание и цели наказания;
- принципы советского исправительно-трудового права; опыт функционирования исправительно-трудовой системы; обобщение практики исполнения наказаний; учёт зарубежного опыта этой области;
- развитие науки [11, с. 31–32].

Профессор В.А. Уткин к факторам формирования уголовно-исполнительной политики относит внутренние и внешние, в том числе международные, социально-политические, экономические, морально-этические и правовые факторы [12, с. 6–7].

Профессор В.И. Селиверстов полагает: «Стратегию, основные формы и

методы уголовно-исполнительной политики, её формирование и развитие прямо или опосредованно определяет комплекс социальных факторов. К основным из них можно отнести социально-политическое и экономическое состояние общества, господствующие в нём нравственные ценности и правовые представления, состояние и динамику преступности в стране, требования международных актов о правах человека и обращении с осуждёнными, деятельность международных организаций, развитие фундаментальных общественных наук» [7, с. 8]. Аналогичной позиции, за исключением требований международных актов о правах человека и обращении с осуждёнными, придерживался профессор И.В. Шмаров [8, с. 6].

В свою очередь профессор А.И. Зубков полагал, что политика в сфере борьбы с преступностью, применения уголовных наказаний и обращения с осуждёнными не произвольна, так как жёстко определяется системой разнообразных факторов [5, с. 2].

Достаточно развёрнуто анализирует факторы, влияющие на уголовно-исполнительную политику, профессор В.Е. Южанин. По его мнению, на уголовно-исполнительную политику, прежде всего, оказывают влияние экономические и социальные факторы, которые разделяются на множество самостоятельных факторов [6, с. 11–15].

По мнению профессора В.А. Фефелова, развитие и формирование основных направлений уголовно-исполнительной политики опосредованно определяет комплекс политических, экономических, правовых и социальных факторов [17, с. 53]. Помимо факторов уголовно-исполнительной

политики, профессор В.А. Фефелов также говорил о факторах, влияющих на развитие уголовно-исполнительного права: «Развитие уголовно-исполнительного права во многом зависит от правового воспитания законопослушных граждан, от уровня правовой культуры общества» [17, с. 54].

Несколько иные приоритеты при анализе факторов определяет профессор С.М. Зубарев. По его мнению, *на содержание уголовно-исполнительной политики влияют следующие факторы*: система международных правовых актов; социально-политический, правовой, экономический уровень общей, нравственной, правовой культуры общества; состояние, структура и динамика преступности; состояние функционирования и тенденции развития УИС [9, с. 17].

Нисколько не ставя под сомнение приведённые здесь позиции учёных, мы всё же полагаем, что система факторов, влияющих на развитие уголовно-исполнительной политики, а также и законодательства, заслуживает гораздо большего внимания. С учётом важности рассматриваемой проблемы необходимо проведение комплексного самостоятельного исследования системы факторов, определяющих развитие как уголовно-исполнительной политики, так и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

В результате деятельности субъектов формирования уголовно-исполнительной политики и системы факторов, оказывающих влияние на неё, формируются современные направления развития уголовно-исполнительной политики РФ. Среди них можно выделить следующие:

1. *Гуманизация исполнения и отбывания наказания.* Это направление уголовно-исполнительной политики постоянно развивается, что находит свое отражение в законодательстве и деятельности УИС, например:

- в 2001 г. были отменены ВК усиленного режима;

- в 2003 г. для осуждённых женщин были отменены колонии строгого режима;

- в 2005 г. произошло увеличение норм питания осуждённых;

- Федеральный закон от 19.07.2009 № 191-ФЗ [16] установил запрет на проведение каких-либо опытов в отношении лиц, отбывающих уголовные наказания;

- Федеральный закон от 21.02.2010 № 16-ФЗ [15], помимо осуждённых беременных женщин, женщин, имеющих ребёнка в возрасте до четырнадцати лет, распространил действие отсрочки от отбывания наказания и на мужчин, имеющих ребёнка в возрасте до четырнадцати лет и являющихся единственным родителем;

- Федеральный закон от 08.03.2015 № 40-ФЗ [14] установил, что осуждённый обязан уплатить штраф в течение не 30, а 60 дней. В случае, если осуждённый не имеет возможности единовременно уплатить штраф, суд по его ходатайству может рассрочить уплату штрафа на срок до пяти лет (ранее – до 3 лет);

- Федеральный закон от 13.07.2015 № 260-ФЗ [13] увеличил размер ежемесячных денежных средств, разрешаемых к расходованию осуждёнными на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости.

2. *Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства,*

приведение его в соответствие с нормами международного права. Начиная с 8 января 1998 г. и по 28 ноября 2015 г. в УИК РФ были внесены изменения 81 федеральным законом.

Как показало проведённое исследование [1, с. 180–181], факторы, повлиявшие на принятие данных законов, разделились следующим образом:

- экономические –

19 законов (23,45 %);

- политические –

60 законов (74,07 %);

- социальные –

44 закона (54,32 %);

- духовные –

42 закон (51,85 %);

- технико-юридические –

41 закон (50,62 %).

Одной из основных целей Концепции развития УИС до 2020 года является совершенствование деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учётом международных стандартов.

3. *Повышенное внимание к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества* (определение новых видов уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы). Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство и правоприменительная практика в настоящее время развиваются по пути расширения наказаний без изоляции от общества, которые занимают всё более значимое место. Например, в 2005 г. введены в действие обязательные работы, в 2010 г. – ограничение свободы. С 2011 г. в отечественной системе уголовных наказаний появились принудительные работы. Ежегодно возрастает доля так называемых «альтернативных» наказаний в структуре наказаний, назначаемых судами Российской Федерации.

Таким образом, необходимо констатировать тот факт, что современная уголовно-исполнительная политика Российской Федерации под воздействием системы самых разнообразных факторов постоянно развивается и совершенствуется, появляются новые

современные её направления, которые находят своё отражение в деятельности уголовно-исполнительной системы при исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грушин Ф.В. Система экономических факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного права и законодательства: монография / под науч. ред. В.И. Селиверстова. Рязань: Академия ФСИН России, 2015. 186 с.
2. Наташев А.Е. Основные факторы развития исправительно-трудового законодательства // К новой жизни. 1972. № 4.
3. Распоряжение Правительства РФ от 23 сентября 2015 г. № 1877-р «О внесении изменений в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 40. Ст. 5581.
4. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.
5. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов / Под ред. докт. юрид. наук проф. А.И. Зубкова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2006. 702 с.
6. Уголовно-исполнительное право. Общая часть: учебник / под общ. ред. Ю.И. Калинина; науч. ред. А.Я. Гришко, О.В. Филимонов. 3-е изд., испр. Рязань: Академия ФСИН России, 2009. 416 с.
7. Уголовно-исполнительное право: учебник для юрид. вузов / Под ред. В.И. Селиверстова. 7-е изд., испр. и доп. М.: ИД «Юриспруденция», 2009. 352 с.
8. Уголовно-исполнительное право: учебник / Под ред. проф. И.В. Шмарова. М.: Издательство БЕК, 1998. 624 с.
9. Уголовно-исполнительное право: учебник для вузов / С.М. Зубарев, А.С. Михлин, А.А. Толкаченко, В.А. Казакова; отв. ред. А.С. Михлин. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2010. 430 с.
10. Указ Президента РФ от 28 июля 1998 г. № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3841.
11. Управление органами, исполняющими наказания. М.: Академия МВД СССР, 1980. 164 с.
12. Уткин В.А. Уголовно-исполнительное право: учебно-методический комплекс. 4-е изд., испр. и доп. Томск: Изд-во НТЛ, 2015. 120 с.
13. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в части увеличения ежемесячных денежных сумм, предусмотренных для приобретения осужденными продуктов питания и предметов первой необходимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть 1). Ст. 4386.

14. Федеральный закон от 08 марта 2015 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1410.
15. Федеральный закон от 21 февраля 2010 г. № 16-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 8. Ст. 780.
16. Федеральный закон от 19 июля 2009 г. № 191-ФЗ «О внесении изменения в статью 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3628.
17. Фефелов В.А. Уголовно-исполнительное право России. Общая часть. Учеб. пособие для образовательных учреждений МВД России. Рязань: РИПЭ МВД России, 1998. 378 с.

REFERENCES:

1. Grushin F.V. Sistema ekonomicheskikh faktorov, opredelyayushchikh razvitie ugolovno-ispolnitel'noi politiki, ugolovno-ispolnitel'nogo prava i zakonodatel'stva: monografiya / pod nauch. red. V.I. Seliverstova [The System of Economic Factors Determining the Development of Penal Policy, Criminal Executive Law and Legislation: monograph / under scientific. ed. by V.I. Seliverstov]. Ryazan, Akademiya FSIN Rossii, 2015. 186 p.
2. Natashev A.E. Osnovnye faktory razvitiya ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva [Basic factors of labor legislation development] // K novoi zhizni. 1972. No 4.
3. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 23 sentyabrya 2015 g. № 1877-r «O vnesenii izmenenii v Kontseptsiyu razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda» [The Decree of the RF Government dated September 23, 2015 No 1877-R "On Amending the Concept of the Development of Criminal-Executive System of the Russian Federation until 2020"] // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. No 40. Art. 5581.
4. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 14 oktyabrya 2010 g. № 1772-r «O Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda» [The Decree of the Government of the Russian Federation dated 14 October 2010 No 1772-R "On the Concept of the Development of Criminal-Executive System of the Russian Federation until 2020"] // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2010. No 43. Art. 5544.
5. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: teoriya, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaya praktika kontsa XIX [Criminal Executive law of Russia: Theory, Legislation, International Standards, Domestic Practice of the late 19th – early 21st centuries: textbook for universities / Under the editorship of doctor the faculty of law Sciences, Professor A.I. Zubkov. 3-th ed., rev. M., Norma, 2006. 702 p.
6. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. Obshchaya chast': uchebnik / pod obshch. red. YU.I. Kalinina; nauch. red. A.YA. Grishko, O.V. Filimonov. 3-e izd., ispr. [Criminal Executive law. General part: the textbook / under the General editorship of Y.I. Kalinin, scientific. edited by A.YA. Grishko, O.V. Filimonov. 3-th ed., rev.]. Ryazan, Akademiya FSIN Rossii, 2009. 416 p.
7. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebnik dlya yurid. vuzov / Pod red. V.I. Seliverstova. 7-e izd., ispr. i dop. [Penal Law: a textbook for the faculties of law / ed. by V.I. Seliverstov. 7th ed., rev. and additional]. M., ID «Law», 2009. 352 p.
8. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebnik / Pod red. prof. I.V. Shmarova [Penal Law: the textbook / ed. by Professor I.V. Shmarov]. M., Publisher BEK, 1998. 624 p.
9. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebnik dlya vuzov / S.M. Zubarev, A.S. Mikhlin, A.A. Tolkachenko, V.A. Kazakova; otv. red. A.S. Mikhlin. 3-e izd., pererab. i dop. [Penal Law: textbook for universities / S.M. Zubarev, A.S. Mikhlin, A.A. Tolkachenko, V.A. Kazakov, resp. editor A.S. Mikhlin. 3th ed., rev. and addit.]. M., Publisher Yurait, 2010. 430 p.

10. Ukaz Prezidenta RF ot 28 iyulya 1998 g. № 904 «O peredache ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii v vedenie Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii» [The Decree of the President of the Russian Federation dated 28 July 1998 No 904 "On the Transfer of Criminal Executive System of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to the Ministry of Justice of the Russian Federation"] // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1998. No 31. Art. 3841.
11. *Upravlenie organami, ispolnyayushchimi nakazaniya* [Managing Penalty Bodies]. M., Akademiya MVD SSSR, 1980. 164 p.
12. Utkin V.A. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebno-metodicheskii kompleks*. 4-e izd., ispr. i dop. [Penal Law: a tutorial and methodical complex. 4th ed., rev. and additional]. Tomsk, Publisher NTL, 2015. 120 p.
13. Federal'nyi zakon ot 13 iyulya 2015 g. № 260-FZ «O vnesenii izmenenii v Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii v chasti uvelicheniya ezhe mesyachnykh denezhnykh summ, predusmotrennykh dlya priobreteniya osuzhdennymi produktov pitaniya i predmetov pervoi neobkhodimosti» [The Federal Law dated July 13, 2015 No 260-FZ "On Amendments to the Criminal Executive Code of the Russian Federation in Terms of Increasing the Monthly Monetary Amounts Provided for the Convicted to Purchase Food Products and Basic Need Goods"] // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2015. No 29 (Part 1). Art. 4386.
14. Federal'nyi zakon ot 08 marta 2015 g. № 40-FZ «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law dated March 08, 2015 No 40-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"] // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2015. No 10. Art. 1410.
15. Federal'nyi zakon ot 21 fevralya 2010 g. № 16-FZ «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law dated February 21, 2010 No 16-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"] // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2010. No 8. Art. 780.
16. Federal'nyi zakon ot 19 iyulya 2009 g. № 191-FZ «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 12 Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law dated 19 July 2009 No 191-FZ "On Amendments to Article 12 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation"] // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2009. No 29. Art. 3628.
17. Fefelov V.A. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii. Obshchaya chast'. Ucheb. posobie dlya obrazovatel'nykh uchrezhdenii MVD Rossii* [Penal Law of Russia. The General Part. Tutorial for Educational Institutions of the MIA of Russia]. Ryazan, RIPE MVD Rossii, 1998. 378 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грушин Фёдор Владимирович – кандидат юридических наук, докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России;
e-mail: fedor062@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fyodor Vladimirovich Grushin – PhD. in Law, Doctoral Student of the Faculty of Research and Pedagogical Staff Training at the Academy of the Federal Penal Service of Russia;
e-mail: fedor062@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Грушин Ф.В. Факторы формирования и современные направления уголовно-исполнительной политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 3. С. 50–58.

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-50-58

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Grushin F.V. Form Factors and Modern Trends of the Russian Penal Policy // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Law. 2016. № 3. P. 50–58.

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-50-58

УДК 343

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-59-65

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЬЕТНАМА

Коновалова И. А., Нгуен В.Н.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10 А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования уголовного законодательства Вьетнама со дня образования Демократической Республики Вьетнам до принятия первого Уголовного кодекса 1985 г. Авторы отмечают, что система уголовного законодательства Вьетнама создавалась в очень сложных условиях. Большинство нормативно-правовых актов было принято в этом периоде. Указом, декретом и постановлением Совета Министров регулировалось отношение к строительству государства и защите нового социально-экономического режима. При анализе процесса формирования уголовного законодательства Вьетнама авторы выявляют присущие этому законодательству недостатки, что способствует его совершенствованию в современных условиях.

Ключевые слова: уголовное законодательство, Вьетнам, формирование, сложные условия, недостатки, совершенствование.

THE HISTORY OF THE VIETNAMESE CRIMINAL LAW DEVELOPMENT

I. Konovalova, V. N. Nguyen*Moscow State Regional University**10 A, Radio street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article considers the issue of the development of the Criminal Law in Vietnam since the early days of the Democratic Republic of Vietnam to the adoption of the first Criminal Code in 1985. The authors highlight that the system of Criminal Law in Vietnam was created under rather challenging circumstances. Most of the legislation acts were adopted during the mentioned period. The attitude towards the new state and newly established social and economic order was protectively regulated by the Decree, Ordinance and Provision of the Council of Ministers. By analyzing the formation process of the Criminal Law of Vietnam the authors pay attention to its flaws and seek possible improvements in modern conditions.

Key words: Criminal Law, Vietnam, formation, challenging circumstances, flaws, improvement.

Более чем семьдесят лет прошло с того дня, как Вьетнам добился независимости. За истекший период практически сформирована система уголовного законодательства Вьетнама. История вьетнамского уголовного законодательства неразрывно связана с историей образования и развития вьетнамской государственности. При этом, в соответствии с этапами развития государства, история

развития вьетнамского уголовного законодательства может быть разделена на три периода:

- Период до принятия Уголовного кодекса 1985 г.;
- Период после принятия первого Уголовного кодекса 1985 г. до принятия Уголовного кодекса 1999 г.;
- Период после принятия Уголовного кодекса 1999 г. до настоящего времени.

По мнению профессора Ле Кам, научное исследование истории формирования общих норм уголовного права Вьетнама в последнее семидесятилетие (от Августовской революции 1945 г. до настоящего времени), осуществившееся полностью, с систематизацией и синхронизацией на основе научного анализа, должно быть развёрнуто в соответствии с делением его на три исторических периода развития уголовного законодательства страны после революции. Это имеет большое значение [9].

Первый период охватывает новое законодательство Вьетнама после обретения независимостью. В это время создание и развитие нового законодательства Вьетнама, и уголовного законодательства Вьетнама в частности, столкнулись с многочисленными трудностями.

Большинство законодательных актов было принято в первом периоде. Указом, декретом и постановлением Совета Министров регулировалось отношение к строительству государства и защите нового социально-экономического режима. Этот период может быть разделён на два основных этапа: 10-летний этап после Августовской революции до полного запрещения на применение старого уголовного права

(1945–1955 гг.); 30-летний этап после полного запрещения на применение старого уголовного права до принятия первого Уголовного кодекса Вьетнама (1955–1985 гг.).

Ранее система феодального законодательства Вьетнама не разделялась на конкретные отрасли права, а выражалась в виде норм уголовного права. Принципами деятельности государства были неравенство наказаний для лиц, принадлежащих к разным социальным слоям, отсутствие каких бы то ни было гарантий прав личности, а также существование жестоких наказаний. Правовые источники права феодального периода, которые были многочисленными и разрозненными, не отвечали задаче укрепления верховной власти.

Издав три Уголовных кодекса, соответственно применявшихся в трёх регионах Вьетнама – Северном, Центральном и Южном, французы пересмотрели пределы уголовного права в сфере регулирования отношения между колонизатором и человеком, совершающий преступление. При этом понятие «прецедент» официально появилось и считалось источником уголовного права во Вьетнаме в этом периоде, и он также стал важным источником вместе с исходным текстом [10].

После успеха Августовской революции, хотя и не официально, в некоторых указах и декретах, принятых новым правительством, было поставлено первое основание для формирования нормативно-правовых актов уголовного права народного государства. Эти декреты с одной стороны, утратили силу нескольких уголовных законов, действовавших до революции, а с дру-

гой стороны, остаются в силе частностью этих законов, чтобы применить в случае необходимости. Например, при принятии декрета № 47 от 10 октября 1945 г. «О временном применении действующих законов до вступления в силу единых законов страны» [2] три Уголовных кодекса Северного, Центрального и Южного Вьетнама, действующих до революции, остаются в силе на территории, соответствующей трём регионам страны. Кроме того, в статье 12 этого декрета также записано обязательное требование: положения старого закона, удерживающиеся этим декретом, применяются только тогда, когда это не противоречит принципу независимости и режиму государства Вьетнама. Необходимо отметить, что декрет от 10 октября 1945 г. президента Вьетнама только разрешает применять законы старой власти, а не признают старый прецедент. Это было главной отправной точкой для ориентации развития источников уголовного права Вьетнама на следующей стадии: обнаружилась тенденция к рассмотрению нормативно-правовых актов как главных источников уголовного права Вьетнама. Кроме того, при строительстве первых оснований системы уголовного права Вьетнама действительно были изданы совместно две группы актов: 1) уголовные законы, прямо касающиеся проблемы борьбы с преступностью, и 2) другие правовые документы, несущие уголовно-правовой характер. Например, для защиты процесса построения экономики, культуры и общества Совет Министров издавал две группы правовых документов о борьбе с преступностью в этой области. Первая группа включает в себя уголовные законы: Декрет

№ 26 от 25 января 1946 г. «О наказании актов преднамеренного уничтожения или хищения государственных собственности» [4]; Декрет № 18 от 20 декабря 1950 г. «О наказании поведений, нарушающих денежную систему» [6] и др. Вторая группа включает в себя правовые документы, несущие уголовно-правовой характер: Декрет № 7 от 5 сентября 1945 г. «О запрете накопления риса в спекулятивных целях» [1]; Декрет № 202 от 15 октября 1946 г. «О торговле золотом и серебром» [3]; Декрет № 61 от 05 апреля 1947 г. «О запрете вывоза капитала» [5] и др.

В системе уголовного законодательства 10-летнего этапа существуют некоторые элементы уголовного законодательства Французской Республики, как неизбежный результат наследования в законе. Из-за обстоятельств и конкретных условий страны в этом периоде существующая система уголовного законодательства Вьетнама не имеет чёткого разделения между общей и особенной частями. Большинство законов относится к особенной части уголовного законодательства (имеется в виду *конкретного преступления*).

Следующим этапом является разработка нормативно-правовых актов общей части уголовного права – 30 лет с момента запрещения на применение старых уголовных законов до принятия первого Уголовного кодекса. На этом этапе уголовные законы до революции были полностью отменены, именно государство издало следующие: Приказ № 19 / VHH-HS с 30 июня 1955 г. «Об указании применения законов» [12], Директива № 772/ ТАТС с 10 июля 1959 г. «О приостановлении применения старых феодальных им-

перских законов» [11]. Кроме того, государство продолжило издавать две группы правовых документов – уголовные законы и правовые документы, несущие уголовно-правовой характер, чтобы бороться с преступностью.

Первая группа включает в себя уголовные законы: Декрет № 256 от 15 июня 1956 г. «О наказании за заговор и акт уничтожения имущества государства, кооперативов, граждан и сопротивления осуществлению политики, государственных планов» [7]; Декрет от 30 июля 1967 г. «О наказании за проведение контрреволюции» [11]; два Декрета от 21 октября 1970 г. «О наказании за посягательство на социалистическую собственность» [11] и «О наказании за посягательство на личную собственность граждан» [11].

Вторая группа включает в себя правовые документы, несущие уголовно-правовой характер: три закона от 24 января 1957 г. «О свободе создания ассоциации» [11]; «О свободе собраний» [11]; «Об обеспечении права на свободу и неприкосновенность жилища, корреспонденции народа»; Приказ от 27 ноября 1981 г. «О рассмотрении и разрешении жалоб и доносов граждан» [11].

Новое направление развития системы уголовного права в этом периоде основывается на экспериментальной судебной практике, выдаче единого толкования в виде отдельных нормативно-правовых актов Верховного народного суда или совместных нормативно-правовых актов, принятых Верховным народным судом и правоохранительными органами, такими как Министерство общественной безопасности и Министерство юстиции, чтобы инструктировать применение

единого уголовного законодательства на всей территории страны. Это позволяет утверждать, что в течение всего периода до кодификации первого Уголовного кодекса Вьетнама единое объяснение Верховного народного суда выражает правовую сущность в качестве одного из источников уголовного права и играет очень важную роль в создании уголовного законодательства страны. Например, с заключением в Директиве 07/HS-2 от 22 декабря 1983 г. Верховного народного суда [8], выданной на основании статьи 13 «необходимая оборона» проекта общей части Уголовного кодекса 1985 г. (предварительно утверждён Парламентом от 12 июня 1983 г.), судебная практика способствовала принятию правовых норм института «необходимой обороны»; с основаниями в заключении Председателя Верховного народного суда на конференции об обзоре работы Верховного народного суда 1974 г. [11] судебная практика способствовала созданию правовых норм института в связи с «неспособностью нести уголовную ответственность»; с тезисом в «Отчёте о работе Верховного народного суда 1972 г.» судебная практика способствовала укреплению правовых норм института *чрезвычайных обстоятельств и неожиданных событий* – таких, как два случая устранения вины.

Новым важным направлением в развитии системы уголовного права на данном этапе является осуществление кодификации уголовного права Вьетнама следующим образом: образовали Редакционную комиссию для составления проекта первого уголовного кодекса Вьетнама; Парламент предварительно принял общую и особенную части Уголовного кодекса 30 июня

1983 г. и 30 июня 1984 г.; Парламент официально принял Уголовный кодекс 27 июня 1985 г., который вступил в силу с 01 января 1986 г.

Таким образом, из-за неблагоприятных военных условий и отсутствия опыта в создании законов в течение длительного времени источники Уголовного права Вьетнама представляют собой набор правовых документов с несколькими названиями, например *указ, циркуляр, устав* и т.д. Процесс кодификации уголовного права

во Вьетнаме форсировали на период 1982–1986, но его кульминацией является принятие первого единого закона – Уголовный кодекс 1985 г. Можно сказать, что Уголовный кодекс 1985 г. является результатом 40-летней законодательной деятельности революционного правительства, глубоким кратким отчётом практики предотвращения и борьбы с преступностью в Вьетнаме с 1945 г. до принятия первого кодекса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Cong bao nuoc Viet Nam Dan Chu Cong Hoa. 1945. № 1. Tr. 6 (Официальный вестник Демократической Республики Вьетнам. 1945. № 1. С. 6).
2. Cong bao nuoc Viet Nam Dan Chu Cong Hoa. 1945. № 4. Tr. 35 (Официальный вестник Демократической Республики Вьетнам. 1945. № 4. С. 35).
3. Cong bao nuoc Viet Nam Dan Chu Cong Hoa. 1945. № 43. Tr. 559 (Официальный вестник Демократической Республики Вьетнам. 1945. № 43. С. 559).
4. Cong bao nuoc Viet Nam Dan Chu Cong Hoa. 1946. № 10. Tr. 140 (Официальный вестник Демократической Республики Вьетнам. 1946. № 10. С. 140).
5. Cong bao nuoc Viet Nam Dan Chu Cong Hoa. 1947. № 9. Tr. 2 (Официальный вестник Демократической Республики Вьетнам. 1947. № 9. С. 2).
6. Cong bao nuoc Viet Nam Dan Chu Cong Hoa. 1950. № 6. Tr. 37 (Официальный вестник Демократической Республики Вьетнам. 1950. № 6. С. 37).
7. Cong bao nuoc Viet Nam Dan Chu Cong Hoa. 1956. № 17. Tr. 165 (Официальный вестник Демократической Республики Вьетнам. 1956. № 17. С. 165).
8. Sac van ban ve hinh su, dan su va to tung / Toa an Nhan dan Toi cao. Ha Noi, 1990. Tr. 5–9 (Документ об уголовном, гражданском и процессуальном актах / Верховный народный суд опубликовал. Ханой, 1990. С. 5–9).
9. Le Cam. Su hinh thanh va phat trien cac quy pham phap luat hinh su Viet Nam (Phan chung) tu nam 1945 den nay // Tap chi Nha nuoc va Phap luat. №6. 2008. Tr. 59–69 (Ле Кам. Формирование и развитие правовых норм уголовного права Вьетнама (общая часть) от 1945 года до сих пор // Государство и Право. № 6. 2008. С. 59–69).
10. Nguyen Anh Tuan. Nguon luat van ban cua luat hinh su Viet Nam // Tap chi Luat hoc. №28. 2012. Tr. 1–2. (Нгуен Ань Туан. Nguon luat van ban cua luat hinh su Viet Nam // Юриспруденция. №28. 2012. С. 1–2).
11. Tap he thong hoa luat le ve hinh su. Tap 1 (1945–1974) / Toa an Nhan dan Toi cao. Ha Noi, 1975 (Набор систематизации уголовных законов. Том 1 (1945–1974) / Верховный народный суд опубликовал. Ханой, 1975).
12. Tap luat le ve tu phap (1945–1957) / Bo Tu phap. Ha Noi, 1958. Tr. 190. (Набор судебных законов (1945–1957) / Министерство юстиции. Ханой, 1958. С. 190).

REFERENCES:

1. Cong bao nuoc Viet Nam Dan Chu Cong Hoa. 1945. No 1. Tr. 6 (Ofitsial'nyi vestnik Demokraticheskoi Respubliki V'etnam [Official Bulletin of the Democratic Republic of Vietnam]. 1945. No 1. P. 6).
2. Cong bao nuoc Viet Nam Dan Chu Cong Hoa. 1945. №4. Tr. 35 (Ofitsial'nyi vestnik Demokraticheskoi Respubliki V'etnam [Official Bulletin of the Democratic Republic of Vietnam]. 1945. No 4. P. 35).
3. Cong bao nuoc Viet Nam Dan Chu Cong Hoa. 1945. №43. Tr. 559 (Ofitsial'nyi vestnik Demokraticheskoi Respubliki V'etnam [Official Bulletin of the Democratic Republic of Vietnam]. 1945. No 43. P. 559).
4. Cong bao nuoc Viet Nam Dan Chu Cong Hoa. 1946. №10. Tr. 140 (Ofitsial'nyi vestnik Demokraticheskoi Respubliki V'etnam [Official Bulletin of the Democratic Republic of Vietnam]. 1946. No 10. P. 140).
5. Cong bao nuoc Viet Nam Dan Chu Cong Hoa. 1947. №9. Tr. 2 (Ofitsial'nyi vestnik Demokraticheskoi Respubliki V'etnam [Official Bulletin of the Democratic Republic of Vietnam]. 1947. No 9. P. 2).
6. Cong bao nuoc Viet Nam Dan Chu Cong Hoa. 1950. №6. Tr. 37 (Ofitsial'nyi vestnik Demokraticheskoi Respubliki V'etnam [Official Bulletin of the Democratic Republic of Vietnam]. 1950. No 6. P. 37).
7. Cong bao nuoc Viet Nam Dan Chu Cong Hoa. 1956. №17. Tr. 165 (Ofitsial'nyi vestnik Demokraticheskoi Respubliki V'etnam [Official Bulletin of the Democratic Republic of Vietnam]. 1956. No 17. P. 165).
8. Cac van ban ve hinh su, dan su va to tung / Toa an Nhan dan Toi cao. Ha Noi, 1990. Tr. 5–9 (Dokument ob ugovnom, grazhdanskom i protsessual'nom aktakh / Verkhovnyi narodnyi sud opublikoval [Paper on Criminal, Civil and Procedural Acts / pub. by the Supreme Court of People]. Hanoi, 1990. P. 5-9).
9. Le Cam. Su hinh thanh va phat trien cac quy pham phap luat hinh su Viet Nam (Phan chung) tu nam 1945 den nay // Gosudarstvo i Pravo. No 6. 2008. P. 59–69.
10. Nguyen Anh Tuan. Nguon luat van ban cua luat hinh su Viet Nam // Law. No 28. 2012. P. 1–2.
11. Tap he thong hoa luat le ve hinh su. Tap 1 (1945–1974) / Toa an Nhan dan Toi cao. Ha Noi, 1975 (Nabor sistematizatsii ugovnykh zakonov. Tom 1 (1945–1974) / Verkhovnyi narodnyi sud opublikoval [The Code of Systematized Criminal Laws. Volume 1 (1945–1974) / pub. by the Supreme Court of People]. Hanoi, 1975).
12. Tap luat le ve tu phap (1945–1957) / Bo Tu phap. Ha Noi, 1958. Tr. 190. (Nabor sudebnykh zakonov (1945–1957) / Ministerstvo yustitsii [The Code of Judicial Laws (1945–1957) / Ministry of Justice]. Hanoi, 1958. P. 190).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коновалова Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Института экономики, управления и права Московского государственного областного университета;

e-mail: ia.konovalova@mgou.ru

Нгуен Вьет Нга – аспирант кафедры уголовного права Института экономики, управления и права Московского государственного областного университета;

e-mail: nganv.liva@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina Anatolyevna Konovalova – PhD. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law at the Institute of Economy, Management and Law of Moscow State Regional University;

e-mail: ia.konovalova@mgou.ru

Nguyen Viet Nga – Postgraduate Student at the Department of Criminal Law at the Institute of Economy, Management and Law of Moscow State Regional University;

e-mail: nganv.liva@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Коновалова И.А., Нгуен В.Н. История формирования уголовного законодательства Вьетнама // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. №3. С. 59–65.

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-59-65

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Konovalova I.A., Nguyen V.N. The History of the Vietnamese Criminal Law Development // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Law. 2016. №3. P. 59–65.

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-59-65

УДК 34.343.9

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-66-72

ЛИЧНОСТЬ ЖЕНЩИН, ОСУЖДЁННЫХ ЗА УБИЙСТВО НОВОРОЖДЁННОГО РЕБЁНКА

Шиян В.И.*Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации**123995, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье приводятся результаты криминологического исследования личности женщин, осуждённых за убийство своего новорождённого ребёнка; определены основные мотивы преступного поведения. Особое внимание уделено характеристике патопсихологических признаков женщин-детоубийц. По убеждению автора, знание особенностей личности таких преступниц, умение выявить их специфические свойства относится к числу неперемennых условий организации и осуществления эффективного предупреждения детоубийств. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что насильственное преступное поведение женщин нередко является полимотивированным, то есть порождается рядом мотивов.

Ключевые слова: личность преступника, женская насильственная преступность, детоубийство, структура личности преступника, мотивы преступного поведения, предупреждение преступности, криминологическая характеристика.

PERSONALITIES OF WOMEN CONVICTED OF MURDERING NEWBORNS

V. Shiyani*All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
25, bld. 1, Povarskaya street, Moscow, 123995, Russian Federation*

Abstract. The article presents the results of criminological study of the personalities of women convicted of killing their newborn children, with the main reasons for criminal behavior being identified. Special attention is given to pathopsychological features of female child-killers. According to the author the knowledge of the common traits of such offenders and the skills of their identification are indispensable in organizing and implementing effective crime prevention, including infanticide. The conducted research allows to conclude that women's criminal behavior is frequently caused by many factors, i.e. it can be considered multi-motivated.

Key words: criminal personality, female violent crime, infanticide, the structure of criminal personality, motives of criminal behavior, crime prevention, criminal profiling.

Среди лиц, совершивших насильственные преступления, особое место занимают **женщины-убийцы, осуждённые по ст. 106 УК РФ**, т. е. за убийство своего новорождённого ребёнка.

В научной литературе исследование личности таких детоубийц часто ограничивается социально-демографическими, уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными характеристиками. Однако такой, безусловно, важной информации для решения научных и практических задач явно недостаточно, поскольку в целях эффективной индивидуальной профилактики требуется и максимальный учёт нравственно-психологических и патопсихологических особенностей, мотивов насильственного преступного поведения.

Результаты проведённого исследования (изучено 122 уголовных дела в отношении женщин, осуждённых по ст. 106 УК РФ, а также данные о 47 лицах, обвиняемых органами предварительного расследования в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ и прошедших судебно-психиатрическую экспертизу в Московском областном Центре социальной и судебной психиатрии при ГБУЗ «Центральная Московская областная клиническая психиатрическая больница» (ГБУЗ МО «ЦКПБ») и в ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации) позволяют констатировать, что среди осуждённых за детоубийство 84 % – молодые женщины (16–25 лет), рожавшие впервые, для которых характерны разочарованность жизнью, отсутствие перспектив. Практически у всех была несчастная любовь или случайная связь, либо даже изнасилование, по разным причинам не повлёкшее правовой реакции.

65 % женщин-детоубийц не имели нормальных бытовых и материальных

условий: не имели своего жилья – 12%, постоянного источника дохода и никакой материальной помощи от близких людей – 28 %, проживали в больших семьях при недостаточных материальных условиях – 25 %. Остальные 15 % из числа молодых женщин вели разгульный образ жизни и не желали иметь детей, чтобы не ограничивать свою свободу; 3 % из них вообще не любят детей.

Например, К., 35 лет, окончила 9 классов, получила специальность «прядильщица». Работала только 6 месяцев. Замужем не была. Жила «где придётся», бродяжничала, злоупотребляла спиртными напитками, пила запоями по 2–3 дня, похмелялась. Последние три месяца жила с сожителем. Как следует из материалов уголовного дела, К. обвиняется в том, что самостоятельно родила жизнеспособного ребёнка мужского пола и задушила его.

Во время психологического исследования отмечаются примитивность личности, олиготимия (эмоциональный дефицит). Содеянное объясняет так: «Боялась, что сожитель узнает о беременности и родах».

В заключениях судебных психолого-психиатрических экспертиз нередко можно встретить подобные характеристики и объяснения.

В связи с тем, что в большинстве случаев детоубийства совершаются незамужними женщинами, сам факт беременности может быть для некоторых из них неожиданным, странным, выводящим из привычной колеи. В период беременности, от которой по разным причинам нельзя избавиться, ребёнок воспринимается женщиной как нечто враждебное, которое может негативно изменить и ещё больше усложнить

её жизнь. У женщины накапливаются отрицательные эмоции, постоянно мучают вопросы о будущем, образуется крайне неблагоприятное отношение к плоду, который воспринимается как источник бед и несчастий. Поэтому, ещё не родив ребёнка, женщина уже полна решимости уничтожить его. Испытывая чувство, что с ней поступают несправедливо – не только несостоявшийся отец будущего ребёнка, но и судьба, люди, – женщина весь запас гнева и ненависти направляет против не рождённого ещё ребёнка.

Обращает на себя внимание тот факт, что осуждённые по ст. 106 УК РФ проживали не только в семьях с низким материальным достатком, но и в семьях, где отсутствовали доверительные отношения, царили эмоциональный голод, жёсткие методы воспитания. Многочисленные психологические исследования [4, с. 10; 5, с. 524–531; 6, с. 917–929] свидетельствуют, что подобные методы связаны с повышенным риском стать «агрессором» или жертвой. Действительно, давление родителей, их чрезмерная опека не позволяют самостоятельно планировать будущее, реально оценивать сложную ситуацию и находить приемлемый выход из неё. Состояние беременности вызывает у несовершеннолетних из таких семей чувство тревожности, переходящее в страх за своё социальное и даже биологическое существование. Не приученные к независимому принятию решений, они видят наипростейший выход из положения в убийстве ребёнка, которое и не замедляют осуществить.

В результате даже добрые и бесконфликтные дети могут совершить убийство. В этой связи приведём следую-

щий пример из следственно-судебной практики:

Л., 16 лет, осуждена по ст. 106 УК РФ, за убийство своего новорождённого ребёнка. Наследственность психопатологически не отягощена. Родилась в полной семье, единственный ребёнок, в развитии от сверстников не отставала. Успешно окончила 9 классов общеобразовательной школы. Обучалась на первом курсе колледжа по специальности «технолог пищевого производства». Характеризовалась положительно. Половая жизнь с 15 лет. Отношения с отцом ребёнка хорошие, тёплые, «он и сейчас предлагает выйти за него замуж».

Как следует из материалов уголовного дела, Л. в 2 часа, находясь в своей квартире, родила ребёнка и нанесла ножницами несколько ударов в область грудной клетки и шеи новорождённому, который от полученных телесных повреждений скончался на месте происшествия.

Согласно психологическому исследованию, в момент инкриминируемого ей деяния, Л. находилась в состоянии выраженной аффектогенной дезорганизации поведения, сознания, деятельности, существенно ограничившем её способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, возникшей в условиях реальной психотравмирующей ситуации. О чём свидетельствуют её психоэмоциональное состояние в тот период времени с переживаниями панического страха, испуга перед матерью, ощущением безвыходности сложившейся ситуации, сопровождавшиеся резкими изменениями психической деятельности, аффективным сужением созна-

ния, фрагментарностью восприятия, нарушением социального, интеллектуального, волевого контроля своих действий, появлением несвойственных ей ранее форм поведения, последующей частичной аффектогенной амнезией произошедших событий на фоне пережитого болевого синдрома, обильной кровопотери, развивающегося геморрагического шока. Возникновению аффектогенной дезорганизации поведения у Л. способствовали длительная психотравмирующая ситуация в семье, связанным со строгим, авторитарным стилем воспитания, необходимостью скрывать свою беременность страхом перед матерью, отсутствием возможности канализировать негативные переживания, индивидуально-психологические особенности личности Л. с выраженной психологической зависимостью от матери, мягкостью, бесконфликтностью, склонностью к накоплению отрицательных переживаний.

Как правило, убийство новорождённого ребёнка совершается женщиной единолично, групповой характер не свойственен для этой категории насильственных преступных деяний.

Мотивы убийства матерью новорождённого ребёнка на разных этапах развития человеческого общества претерпевали лишь небольшие изменения. В конце XIX века Н.С. Таганцев, исследуя проблему детоубийств, указывал среди мотивов убийств новорождённых стыд, страх суда общественного мнения, боязнь за будущее ребёнка [3, с. 121]. В начале XX столетия М.Н. Гернет, изучая мотивы детоубийств в России, Германии, Франции, Австрии, Италии, Голландии, Дании, Бельгии, Испании и Сербии, пришёл к выводу, что основными мотивами

такого преступления являются страх позора, спасение чести, боязнь нужды. Автор обоснованно разделил все мотивы, действующие при убийстве матерью новорождённого ребёнка на две группы: эгоистические и альтруистические. В первую им отнесены: вызванный мучениями родов гнев против ребёнка, как причины боли; опасение, что обязанности по воспитанию ребёнка повлекут за собой беспокойства и повергнут в нужду; опасение стыда, в особенности при наличии строгих родителей; ненависть к отцу ребёнка, покинувшему беременную в беспомощном состоянии, перенесённая на ребёнка. Во вторую группу М.Н. Гернет включил случаи убийства новорождённого из боязни отдать его чужим людям, из желания избавить его от нищеты и из желания избавить от позора родителей [1, с. 167, с. 169–170]. В различных интерпретациях эти толкования мотивов детоубийств прочно вошли в научную литературу и правоприменительную деятельность.

По данным современных исследователей, к мотивам убийства новорождённых детей относятся: боязнь общественного осуждения, стыд за рождение ребёнка вне брака (особенно для жительниц сельской местности), страх перед родителями и т.д. [2, с. 76].

Большинство женщин, совершивших детоубийство, не могут определённо назвать мотивы своего преступления. Вместе с тем, в результате исследований у 70 % женщин, осуждённых за убийство детей, выявлены такие личностные особенности, как жестокость, инфантилизм, равнодушное, безразличное отношение к детям, эмоциональная и интеллектуальная ограниченность, прямая или косвен-

ная корыстная заинтересованность в гибели ребёнка. Например, женщины, имеющие уже по 2–4 ребёнка (16 % детоубийц), убивали своего следующего новорождённого ребёнка, поскольку он «просто не вписывался в бюджет семьи». Эта категория женщин отмечает, что преступление совершили сознательно, задумав его заранее, при этом очень сожалеет о случившемся. Преобладающий довод: «Что мне оставалось делать?».

В основе поведения женщин-детоубийц часто, наряду с доминирующим мотивом, определяющим основной смысл деятельности виновной, присутствует защитный мотив, оправдывающий её действия: материальные трудности, боязнь потерять работу, физические или психические недостатки новорождённого и др. Оправдывая своё преступное деяние, виновная поясняет, что действовала во благо семьи, других своих детей либо иных близких людей. Учитывая достаточно юный возраст преступниц, осуждённых по ст. 106 УК РФ, в материалах уголовного дела неоднократно встречаем и такое объяснение: «Не хотела расстраивать родителей». Таким образом, у значительного большинства преступниц критическая оценка своего противоправного деяния снижена.

По мнению психиатров, наибольшую социальную опасность среди детоубийц представляют больные шизофренией, причём чаще с непрерывной и приступообразно-прогредиентной с преобладанием аффективных расстройств и параноидной симптоматики. Более всего распространены аффективно-бредовый синдром и его депрессивно-параноидальный вариант.

Самую значительную опасность больные представляют в периоды изменения состояния, характеризующегося появлением тревоги, растерянности и страхов, при усложнении синдрома или непосредственно перед развитием острого состояния. Экзогенные факторы (психогенные реакции, роды, алкоголизм и др.), предшествующие совершению преступных действий, усиливают социальную опасность женщин, больных шизофренией.

Убийства детей женщинами, больными шизофренией, совершаются чаще всего по бредовым мотивам, но встречаются импульсивные убийства под влиянием императивных слуховых галлюцинаций, убийства по так называемым «психологическим мотивам». Последние у таких больных только по внешним признакам имеют сходство с аналогичными мотивами, свойственными психически здоровым женщинам. У больных шизофренией объективно существующие реально-бытовые факторы преломляются через призму болезненно изменённой психики. Поэтому их действия, несмотря на связь с внешними факторами, отличаются особой жестокостью, непоследовательностью и отсутствием последующей реакции на содеянное.

Предупреждение общественно опасных действий женщин, больных шизофренией, требует осуществления целого ряда комплекса лечебных и социальных мероприятий, направленных на своевременное распознавание шизофрении, систематическое наблюдение диспансерами за такими лицами с выявлением обострений заболевания и акцентом внимания на течение послеродового периода.

В процессе исследования было обращено внимание на то, что насильственное преступное поведение женщин нередко является полимотивированным, то есть порождается рядом мотивов. В их иерархии может быть один или несколько ведущих, составляющих в определённом смысле сущность личности насильственной преступницы и в целом определяющих её поведение. Ведущие мотивы могут действовать параллельно с другими, со временем они способны меняться с ними местами. Возможно появление и активное функционирование новых мотивов.

Учитывая изложенное, обобщённый криминологический портрет женщины-убийцы новорождённого ребёнка можно представить следующим образом: возраст от 16 лет до 25 лет; воспитывалась в семье, где отсутствовали доверительные отношения, царили эмоциональный голод и жёсткие методы воспитания; в юридически оформленном браке не состоит; ранее не судима; не работает; не имеет нормального, по санитарным нормам, жилья; материальный достаток ниже прожиточного минимума; находится в жёсткой зависимости от ситуации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гернет М.Н. Детоубийство: сравнительно-юридическое исследование. М.: Типография Московского ун-та, 1911. 318 с.
2. Лукичев О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 179 с.
3. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Т. 1–2. Тула: Автограф, 2001. 800 с.
4. Copeland W. Childhood bullying involvement predicts low-grade systemic inflammation into adulthood / Copeland W., Wolke D., Lereya S., Shanahan L., Worthman C., Costello E. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014. 10 p.
5. Lereya S.T. Adult mental health consequences of peer bullying and maltreatment in childhood: two cohorts in two countries / Lereya S.T., Copeland W.E., Costello E.J., Wolke D. // *The Lancet Psychiatry*. 2015. Т. 2. № 6. Pp. 524–531.
6. Wolke D., Tippet N., Dantchev S. Bullying in the family: sibling bullying // *The Lancet Psychiatry*. 2015. Т. 2. № 10. Pp. 917–929.

REFERENCES:

1. Gernet M.N. *Detoubiistvo: sravnitel'no-yuridicheskoe issledovanie* [Infanticide: Comparative Legal Research]. M., Printing House of Moscow University, 1911. 318 p.
2. Lukichev O.V. *Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika detoubiistva: dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminal Legal and Forensic Science Characteristics of Infanticide: PhD. Thesis in Law]. SPb., 1997. 179 p.
3. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovnoe pravo. Lektsii. T. 1-2* [Russian Criminal Law. Lectures. Vol. 1-2]. Tula, Avtograf, 2001. 800 p.
4. Copeland W. Childhood bullying involvement predicts low-grade systemic inflammation into adulthood / Copeland W., Wolke D., Lereya S., Shanahan L., Worthman C., Costello E. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014. 10 p.
5. Lereya S.T. Adult mental health consequences of peer bullying and maltreatment in childhood: two cohorts in two countries / Lereya S.T., Copeland W.E., Costello E.J., Wolke D. // *The Lancet Psychiatry*. 2015. Т. 2. № 6. Pp. 524–531.
6. Wolke D., Tippet N., Dantchev S. Bullying in the family: sibling bullying // *The Lancet Psychiatry*. 2015. Т. 2. № 10. Pp. 917–929.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шиян Валентина Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации;
e-mail: valentina-shiyan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina Ivanovna Shiyan – PhD. in Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Whole-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
e-mail: valentina-shiyan@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Шиян В.И. Личность женщин, осуждённых за убийство новорождённого ребёнка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 3. С. 66–72
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-66-72

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Shiyan V. Personalities of Women Convicted of Murdering Newborns // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Law. 2016. № 3. P. 66–72.
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-66-72

РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.13

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-73-80

ЗАДЕРЖАНИЕ ЛИЦА ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Артёмова В.В., Самолаева Е.Ю.

*Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя*

117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные теоретические и практические подходы к пониманию сущности уголовно-процессуального задержания подозреваемого и обвиняемого. В частности, освещаются проблемные аспекты реализации положений статьи 96 УПК РФ, регламентирующих порядок и условия уведомления родственников подозреваемого о его задержании. Проанализирована проблема процессуальной фиксации всех этапов задержания лица, а также сформулировано авторское видение применения норм главы 12 УПК РФ к обвиняемому. Рассмотрена правовая регламентация и реализация данных норм на практике, а также внесены предложения по решению обозначенных в статье проблем.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, задержание обвиняемого, момент задержания, уведомление о задержании, доставление задержанного, сроки уведомления о задержании.

THE DETENTION OF A SUSPECT IN THE CONDITIONS OF MODERN LEGISLATION REFORMS

V. Artemova, Ye. Samolayeva

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named
after V.J. Kikot*

12, Academician Volgin street, Moscow, 117437, Russian Federation

Abstract. This article considers some current theoretical and practical approaches to the understanding of the nature of such criminal procedure as detention of a suspect and the accused. It particularly discusses the challenging aspects of the implementation of the provisions of Article 96 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation that regulate the procedure and conditions of notification of suspect's relatives of the fact of his/her detention. The authors examined the procedure of the fixation of all stages of the detention of a suspect, and formulated their attitude to the application of Chapter 12 of the Criminal Procedure Code to the accused. Legal regulation and practical implementation of these standards were considered and some proposals were made to solve the problems under study.

Key words: detention of a suspect, detention of the accused, time of arrest, notification of arrest, delivery of a detainee, the period of notification of the arrest.

Практика применения положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволила выявить проблемы, связанные с противоречивостью, нечёткостью механизма реализации ряда его норм, рост которых обусловил необходимость принятия соответствующих решений по внесению изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство. Такие меры были приняты, и часть вопросов нашла своё разрешение в законе. Однако некоторые спорные моменты продолжают вызывать оживлённые дискуссии в научных кругах и становятся предметом недопонимания у практических работников, что значительно усложняет деятельность последних.

Основные трудности у практических работников связаны не с законодательными упущениями, а со сложностью применения введённых в действие норм, нацеленных, в том числе, на усовершенствование уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Не в последнюю очередь эти сложности обусловлены отсутствием устоявшейся практики применения новых или изменённых норм, некорректным

толкованием правоприменителем, нечётким представлением об их назначении, а в ряде случаев – непониманием и *невосприимчивостью* её как части системы норм уголовно-процессуального законодательства [1, с. 233].

Деятельность законодателя по совершенствованию уголовно-процессуальных норм не обошла вопросы, регламентирующие задержание подозреваемого [2, с. 27–31].

Так, Федеральным законом от 30.12.2015 № 437-ФЗ внесены изменения в ст. 96 УПК РФ в части порядка уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о задержании подозреваемого. Существовавшее прежде правило о необходимости уведомления следователем, дознавателем указанных лиц в 12-часовой срок с момента задержания изменено положением о праве подозреваемого в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления родственников о своём задержании и месте нахождения.

Изучение данной нормы позволяет выявить определённые пробелы, неточности, допущенные законодателем.

Прежде всего, требует уточнения положение ч. 1 ст. 96 УПК РФ, согласно которому началом исчисления срока реализации права подозреваемого на телефонный разговор следует считать момент его доставления в орган дознания или к следователю. По неясной причине из числа лиц, к которым может быть доставлено задержанное лицо, исключён дознаватель. Между тем в продолжении рассматриваемой нормы предусматривается, что телефонный разговор осуществляется в присутствии дознавателя, следователя.

Полагаем, что в данном случае в целях выработки однозначного и правильного толкования момента исчисления срока уведомления о задержании подозреваемого следует руководствоваться ч. 1 ст. 91 УПК РФ, в которой в качестве субъектов, полномочных задерживать лицо по подозрению в совершении преступления, определены орган дознания, дознаватель, следователь. Они же являются должностными лицами, на которых возлагается обязанность по обеспечению права подозреваемого на телефонный разговор с целью уведомления родственников о задержании.

В этой связи считаем логичным внести изменения в ч. 1 ст. 96 УПК РФ, указав дознавателя среди других субъектов, к которым может быть доставлено задержанное лицо.

Помимо прочего, настораживает привязка 3-часового срока уведомления родственников о задержании к моменту доставления подозреваемого к следователю (в орган дознания). Законом не определено, в каком документе фиксируется момент доставления, с которого должен исчисляться срок уведомления родственника, что

осложняет возможность проверить соблюдение установленного срока уведомления. Ранее, до введения упомянутого положения в УПК РФ, срок уведомления исчислялся с момента задержания, который отражался в протоколе. Вероятно, этим документом является рапорт оперативного сотрудника о том, что им было задержано и доставлено некое лицо. Либо моментом отсчёта срока уведомления будет являться время, указанное в книге учёта задержанных, находящейся в дежурной части. Подобная неопределённость породит новые сложности в работе следователя, дознавателя и послужит очередным толчком к изменениям норм УПК РФ или дополнению ведомственных актов.

Заметим, что аналогичный срок в 3 часа даётся следователю в ч. 1 ст. 92 УПК РФ на составление протокола задержания, который также исчисляется с момента доставления подозреваемого к следователю. Такое временное совпадение сроков, по сути, лишает следователя возможности принять решение о задержании и составить соответствующий протокол в максимально возможный срок в 3 часа, поскольку он ограничивается временем, в течение которого подозреваемый уведомляет посредством телефонного разговора о своём задержании родственников, либо временем, затраченным непосредственно следователем на уведомление родственников в случае отказа подозреваемого от права на телефонный разговор с ними.

Если следователь при составлении протокола задержания использует максимально возможный срок в 3 часа, ему не остаётся времени на обеспечение права подозреваемого на

телефонный разговор. Следовательно, при принятии решения о задержании и его оформлении следователь должен уложиться в срок менее чем 3 часа, расчитав при этом необходимое время для реализации процедуры уведомления.

Рассмотрим ситуацию, когда подозреваемый, задержанный в порядке ст. ст. 91, 92 УПК РФ, не дозвонился ни до одного из родственников. Закономерен вопрос, обязывает ли эта ситуация самого следователя осуществить уведомление родственников задержанного. Буквальное толкование положений ч. 1 ст. 96 УПК РФ не указывает на такую обязанность следователя.

В данной статье УПК РФ чётко оговорены случаи, когда следователь сам осуществляет уведомление, а именно: при отказе подозреваемого от права на телефонный разговор или невозможности в силу его физических или психических недостатков самостоятельно осуществлять указанное право. В этой связи можно прийти к выводу: если подозреваемый не отказался от своего права на телефонный разговор, но не смог дозвониться до родственников, следователь не обязан осуществлять уведомление сам.

Единственный выход подозреваемого в случае невозможности дозвониться видится в отказе от своего права на звонок, что обяжет самого следователя осуществить уведомление родственников.

Нельзя обойти вниманием и отсутствие в законе указания на срок, в течение которого следователь самостоятельно осуществляет уведомление родственников. Если опираться на срок в 3 часа, то возможность уведом-

ления родственников следователем в этот срок невелика. Следователь также предпримет попытки дозвониться до родственников задержанного и, не дозвонившись, составит письменное уведомление, направив его по почте. Сомнения в возможности соблюдения срока уведомления при реализации такой процедуры объективны.

Не менее важен вопрос о том, каким образом может повлиять уведомление подозреваемым родственников посредством телефонного разговора на эффективность расследования по уголовному делу. Нередки случаи, когда непосредственно после задержания необходимо проведение неотложных следственных действий, в частности обыска по месту жительства подозреваемого в целях отыскания предметов и орудий преступления, имеющих значение для дела. Следователь в течение 24 часов должен осуществить допрос подозреваемого. В это время сотрудники оперативного подразделения временно могут по поручению следователя провести обыск в его квартире. Предоставляя право подозреваемому на телефонный разговор в срок не позднее 3 часов с момента доставления, законодатель в ряде случаев сводит к минимуму эффективность данного следственного действия. Подозреваемый может сообщить в телефонном разговоре родным о необходимости уничтожить те или иные предметы, имеющие значение для расследования, сорвав тем самым производство обыска. Законодатель в поисках возможного решения подобной проблемы в ч. 4 ст. 96 УПК РФ предусмотрел право следователя не уведомлять родственников при необходимости сохранения в интересах расследования в тайне

факта задержания совершеннолетнего подозреваемого. Однако при этом такая необходимость должна быть обоснована в соответствующем постановлении следователя, согласованном с прокурором.

Нетрудно понять, что вынесение указанного постановления и обращение с ним к прокурору для согласования в ряде случаев невозможно при соблюдении срока в 3 часа. Ведь в этот срок включается не только время на задержание лица и составление протокола, но и в некоторых случаях время на возбуждение уголовного дела – так, например, если лицо задержано в момент совершения преступления или сразу после него и дело ещё не возбуждено.

Следует также учитывать специфику ряда регионов Российской Федерации, а именно: удалённость нахождения прокуратур от мест производства предварительного расследования. С учётом этого обстоятельства реализация приведённой нормы о возможности сохранения в тайне факта задержания подозреваемого от родственников представляется затруднительной.

Таким образом, предполагаемое положительное значение данной нормы для обеспечения прав подозреваемого лица вызывает сомнения, поскольку в ней не отражён чёткий порядок, сроки действий следователя, дознавателя, в частности, не определено, возможно ли в дальнейшем уведомление родственников подозреваемого о факте задержания, когда отпала необходимость сохранения данного факта в тайне. В этой связи можно, например, в ч. 4 ст. 96 УПК РФ указать, что «с момента устранения необходимости сохранения в тайне факта задержания,

следователь, дознаватель должны незамедлительно сообщить о задержании и месте нахождения подозреваемого его родственникам...».

Изложенное позволяет прийти к выводу о целесообразности возвращения к прежней процедуре уведомления родственников о задержании подозреваемого в 12-часовой срок с момента задержания. Возможность осуществления телефонного разговора с одним из родственников может быть предусмотрена, но только по усмотрению следователя, дознавателя.

Кроме того, следователь, дознаватель должен также сам убедиться, что подозреваемый ведёт разговор с родственником, а не с иным лицом, например, причастным к совершению преступления.

Сама формулировка положения ч. 1 ст. 96 УПК РФ является сложной для правильного и однозначного восприятия и послужит причиной различных трудностей при её реализации.

В частности, фраза о том, что «подозреваемый в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю (*курсив наш. – В.А., Е.С.*) имеет право на один телефонный разговор», не даёт чёткого понимания, что реализовать данное право невозможно до задержания и составления соответствующего протокола.

Должно быть чётко понятно, что право на телефонный разговор можно осуществить только после задержания в соответствии со ст. ст. 91, 21 УПК РФ.

Кроме того, момент доставления в орган дознания и к следователю фактически никак в материалах уголовного дела не отражается. Протокол задержания не содержит соответству-

ющих граф, а УПК РФ не указывает на необходимость его отображения. Однако этот вопрос требует осмысления и урегулирования, поскольку затрагивает как права задержанного лица, так и является точкой отсчёта времени для составления протокола задержания доставленного лица. Одним из подходов на практике в решении данной проблемы является отражение всех трёх «моментов задержания» в протоколе задержания («захвата», «доставления», составления протокола). Но, тем не менее, данный момент должен быть зафиксирован документально – как вариант, рапортом следователя (дознателя) о времени доставления задержанного лица.

Также мы считаем необходимым привести к единообразию норм, определяющих порядок и условия задержания.

Так, законодатель устанавливает в одних нормах чёткое определение условий действия нормы, указывая в них в одних случаях момент фактического задержания (например, в п. 11 ст. 5, ч. 2 ст. 46, п. 3 ч. 3 ст. 49, ч. 1.1. ст. 92, ч. 3 ст. 128 УПК РФ), а в других – момент доставления в орган дознания или к следователю (ч. 1 ст. 92 и ч. 1 ст. 96 УПК РФ).

Какой момент задержания имеет в виду законодатель, когда говорит в ч. 3 ст. 92 УПК РФ о необходимости уведомления прокурора в течение 12 часов «с момента задержания подозреваемого», или в ч. 1 ст. 96 УПК РФ, в которой идёт речь об уведомлении иных лиц «не позднее 12 часов с момента задержания подозреваемого», не совсем ясно.

Помимо этого, нуждаются в уточнении вопросы о возможности применения норм главы 12 УПК РФ к обвиняемому лицу, в частности, при необходимости обеспечения судебной процедуры избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения. К тому же, фактическое задержание в случае объявления обвиняемого в розыск будет осуществляться не в рамках производства по уголовному делу, поскольку в случае обнаружения обвиняемого лица, уголовное дело обычно бывает приостановлено по основаниям п. 2 части 1 статьи 208 УПК РФ. В связи с тем, что на момент обнаружения обвиняемого у следователя имеются достаточные доказательства его вины (в связи с наличием которых и было предъявлено обвинение), необходимость ограничения свободы передвижения обвиняемого (в отличие от подозреваемого) в целях его проверки на причастность к совершённому преступлению отсутствует. Из этого следует тот вывод, что необходимо расширить теоретические цели задержания [3, с. 12–13] и дополнить установленные в части первой статьи 91 УПК РФ основания задержания, указав пунктом 4 части первой «нахождение обвиняемого в розыске».

Одним из решений данного вопроса может быть внесение в закон положения о необходимости обязательного применения меры пресечения в отношении обвиняемого, объявленного в розыск (в настоящее время это право дознателя, следователя, суда (часть 1 ст. 97 УПК РФ)).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Иванова Е.В. Расследование преступлений, совершённых с использованием веществ, опасных для здоровья: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 440 с.
2. Ким Е.П., Костенко К.А. Задержание подозреваемого: правовой и практический аспекты // Российский следователь. 2016. № 4. С. 27–31.
3. Павлов А.В. Задержание обвиняемого, находящегося в розыске: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2012. 84 с.

REFERENCES:

1. Ivanova E.V. Rassledovanie prestuplenii, sovershennykh s ispol'zovaniem veshchestv, opasnykh dlya zdorov'ya: monografiya [The Investigation of Crimes Committed with the Use of Health- Hazard Substances: a monograph]. M., Yurlitinform, 2012. 440 p.
2. Kim E.P., Kostenko K.A. Zaderzhanie podozrevaemogo: pravovoi i prakticheskii aspekty [The Detention of a Suspect: Legal and Practical Aspects] // Rossiiskii sledovatel'. 2016. No 4. Pp. 27–31.
3. Pavlov A.V. Zaderzhanie obvinyaemogo, nakhodyashchegosya v rozyske: uchebnoe posobie [The Detention of the Accused under Investigation: a handbook]. Omsk, Omskaya akademiya MVD Rossii, 2012. 84 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Артемова Валерия Валерьевна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

e-mail: artval13@mail.ru

Самолаетова Евгения Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

e-mail: samolaeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valeriya Valerievna Artemova – PhD. in Law, Deputy Head of the Department of Preliminary Investigation at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.J. Kikot;

e-mail: artval13@mail.ru

Evgeniya Yurievna Samolayeva – PhD. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.J. Kikot;

e-mail: samolaeva@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Артемова В.В., Самолаетова Е.Ю. Задержание лица по подозрению в совершении преступления в условиях реформирования современного законодательства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 3. С. 73–80.

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-73-80

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Artemova V., Samolayeva Ye. The Detention of a Suspect in the Conditions of Modern Legislation Reforms // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Law. 2016. № 3. P. 73–80.

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-73-80

УДК 343.195

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-81-86

ЗНАЧЕНИЕ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА ЮРИСТОВ КАК СРЕДСТВА ПОСТРОЕНИЯ УБЕДИТЕЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Мельник В.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10 А, Российская Федерация*

Аннотация. Продолжая исследовать проблемы доказывания в состязательном уголовном процессе [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9], автор рассматривает ораторское искусство юристов как средство построения убедительной аргументации в состязательном процессе, эффективного решения задач, сформулированных ещё Цицероном: *“Всё построение убедительной судебной речи основано на трёх вещах: доказать правоту того, что мы защищаем, расположить к себе слушателей, направить их мысли в нужную для дела сторону”*. В заключение суммируется, что без надлежащей подготовки по ораторскому искусству правовед не может быть настоящим прокурором или подлинным адвокатом, даже если он обладает юридической компетентностью, так как на высоком профессиональном уровне обязанности государственного обвинителя или адвоката может выполнять только юрист, у которого знание и глубокое понимание законов сочетается с умением говорить.

Ключевые слова: состязательный уголовный процесс, суд с участием присяжных заседателей, ораторское искусство, приёмы ораторского искусства, аргументация, убеждающее воздействие аргументации, социальное влияние.

LAWYERS' PUBLIC SPEAKING SKILLS AS A MEANS OF CONSTRUCTING CONVINCING ARGUMENTS IN ADVERSARIAL CRIMINAL PROCEEDINGS: STATEMENT OF THE PROBLEM

V.V. Melnik

*Moscow State Regional University
10 A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The author continues to explore the issues of persuasion in adversarial criminal process and considers the lawyers' art of rhetoric as a means of convincing argumentation and effective solution of the problems. Referring to Cicero the author states: 'Persuasive speaking at court is based on three principles: to prove the righteousness of what we advocate, to get the listeners favorably disposed to you, to direct their thoughts the way it is needed for the case'. It is concluded that without proper training in rhetoric a lawyer cannot become either a good prosecutor or an advocate even if he/she is judicially competent, as at a highly proficient level such duties may be performed only by a professional who combines deep knowledge of laws with the art of public speaking.

Key words: adversarial criminal process, jury trial, oratory, rhetorical skills, argumentation, persuasive effect of argumentation, social influence.

В условиях построения российского судопроизводства на основе конституционного принципа состязательности и равноправия сторон, распространения судов с участием присяжных заседателей на все регионы РФ возрастает значение аргументационной компетентности [12, с. 4] прокуроров и адвокатов, т.е. их умения успешно обосновывать свою точку зрения, оказывать убеждающее воздействие на своего процессуального противника, присяжных заседателей и судей.

От степени развития у прокуроров и адвокатов этого умения, определяющего сущность деятельности по поддержанию государственного обвинения и ведению защиты, зависит их способность успешно конкурировать со своим процессуальным противником, добиваться солидарности суда со своим мнением.

«Государственный обвинитель должен быть психологически готов к конкуренции в судебном процессе и способен конкурировать<...> Нельзя допускать в суд людей, обвиняющих от имени государства, если они не способны к конкуренции в нормальном состязании<...> Способность убеждать и добиваться солидарности суда со своим мнением – необходимое качество государственного обвинителя» [10, с. 22–23].

Этой профессионально важной компетенцией должен в совершенстве владеть и его процессуальный противник – адвокат-защитник. Умение государственного обвинителя и защитника убедительно аргументировать свою позицию приобретает решающее зна-

чение в суде с участием присяжных заседателей, где, как отмечают известные американские социальные психологи Ф. Зимбардо и М. Ляйппе, «...убеждение становится значимым фактором, влияющим на ход судебного процесса. Вердикт может зависеть от того, какая из сторон выступала более убедительно...» [2, с. 317–318].

Убеждающее воздействие аргументации сторон в этих и других судах зависит не только от логических доводов сторон, но и от степени владения прокурором и адвокатом ораторским искусством как средством построения убедительной по содержанию и форме судебной речи. Иными словами, одной из важнейших сторон аргументационной компетентности государственного обвинителя и защитника является владение ими ораторским искусством.

Несостоявшиеся как ораторы прокуроры и адвокаты нередко терпят сокрушительные поражения в состязательном уголовном процессе, даже при благоприятном для их стороны «раскладе» доказательств. Чаще всего это проявляется в судах с участием присяжных заседателей.

«Проигравшие дело» прокуроры и адвокаты нередко называют вердикты присяжных и приговоры судов с их участием «странными», «лотерейными» и свою неудачу «списывают» на «однодневных судей» – присяжных заседателей, обвиняя их соответственно в оправдательном и обвинительном уклоне.

По мнению адвоката А. Кучерены, надежды адвокатов на то, что суду присяжных в меньшей степени, чем

«обычному» суду, присущ обвинительный уклон, до конца не оправдались¹.

Иногда несправедливый обвинительный вердикт присяжных заседателей выносится при таких слабых и противоречивых доказательствах, которые неминуемо повлекли бы оправдательный приговор, если бы дело рассматривалось коллегией профессиональных судей, поскольку они обязаны мотивировать своё решение.

В свою очередь прокуроры и следователи обращают внимание на случаи проявления присяжными заседателями оправдательного уклона, когда они несправедливо оправдывают опасных преступников, виновность которых доказана достаточным количеством допустимых доказательств.

На подобные «странные» обвинительные и оправдательные вердикты присяжных заседателей обращали внимание судьи и прокуроры на научно-практической конференции «Опыт работы института судов присяжных в контексте реформы уголовного правосудия в России» (г. Санкт-Петербург, 14–15 февраля 2007 г.), в работе которой и мы приняли участие [9, с. 105].

Практика судопроизводства с участием присяжных заседателей свидетельствует о том, что главной причиной «странных», «лотерейных» обвинительных или оправдательных вердиктов присяжных заседателей является то, что государственный обвинитель и защитник не умеют убедительно аргументировать свою позицию в ходе судебного следствия и прений сторон.

Как отмечал в 1999 г. **первый заместитель Председателя Верховного Суда РФ В.И. Радченко, причина оправда-**

тельных вердиктов и чрезмерно мягких выводов присяжных заключается не в их либерализме, а в неубедительности выступления государственного обвинителя, его неумении убедительно представить доказательства с позиции обвинения [11, с. 69].

Иными словами, главная причина того, что суды с участием присяжных заседателей иногда выносят несправедливые оправдательные или чрезмерно мягкие обвинительные вердикты, заключается в том, что государственные обвинители не умеют убедительно аргументировать свою позицию в ходе судебного следствия и прений сторон с использованием различных технических приёмов ораторского искусства.

Таким образом, в условиях построения российского судопроизводства на основе конституционного принципа состязательности и равноправия сторон, распространения судопроизводства с участием присяжных заседателей на все регионы РФ возрастает значение ораторского искусства юристов как средства построения убедительной судебной речи.

Именно от степени владения ораторским искусством прокурором и адвокатом зависит их способность успешно конкурировать в состязательном уголовном процессе со своим процессуальным противником, добиваться солидарности суда со своим мнением.

Не случайно в работе известного английского адвоката и теоретика адвокатуры Роберта Гарриса некачественная, неубедительная судебная речь защитника ассоциируется с различными проявлениями абсурдного, ненадёжного ведения дела: «Плохая речь подточит самое прочное дело.

¹ Российская газета от 27.04.04.

Это всё равно, что нарядить миллионера в тряпки. Плохой оратор – это моряк, который при самом отплытии уже выкидывает сигнал бедствия; многие пожалеют о нём, но никто не пойдёт к нему на помощь... плохая речь может погубить самое верное дело, как кутила может промотать огромное состояние, тогда как хорошая речь придаёт и ненадёжному делу действительные или кажущиеся преимущества. В речах заурядных адвокатов совсем не бывает искусства, но при умелом пользовании им против того, кто им пользоваться не умеет, и при равенстве прочих условий, едва ли можно сомневаться в исходе процесса» [1, с. 148].

Далее Р. Гаррис отмечает: «Искусство речи, по моему глубокому убеждению, далеко не пользуется у нас должным вниманием, и в последние годы создалось какое-то нелепое обыкновение смотреть на него, как на нечто второстепенное в судебной деятельности. Но факты остаются фактами и в большинстве случаев лучший оратор бывает и лучшим адвокатом, т.е. ведёт дело с большим успехом<...> Умение говорить есть обязанность адвоката, и чтобы усовершенствоваться в нём, не следует жалеть ни времени, ни труда. Умение говорить есть залог успеха, и чем лучше вы говорите, тем меньше соперников окажется вокруг вас на избранном поприще» [1, с. 156].

Таким образом, без надлежащей подготовки по ораторскому искусству правоведа не может быть настоящим прокурором или подлинным адвокатом-воином, даже если он обладает юридической компетентностью. На высоком профессиональном уровне обязанности государственного обви-

нителя или адвоката может выполнять только юрист, у которого юридическая компетентность, знание и глубокое понимание законов сочетается с умением говорить.

Одно лишь знание и понимание законов, не подкреплённое умением говорить на уровне подлинного искусства – признак функциональной безграмотности юриста, его неспособности эффективно реализовывать свои полномочия, права и обязанности в состязательном судопроизводстве. Этот пробел в профессиональном образовании и воспитании юристов лишает их способности к успешной деятельности на юридическом поприще, особенно в суде с участием присяжных заседателей.

Однако до сих пор ораторскому искусству не уделяют должного внимания не только практикующие юристы, но и юридические вузы и факультеты повышения квалификации прокуроров и адвокатов. Без качественной специализированной подготовки по судебному ораторскому искусству юридические вузы в лучшем случае готовят хороших правоведов, но не практикующих юристов, умеющих отстаивать свою позицию в состязательном судопроизводстве.

Для формирования у будущих юристов этой профессионально важной компетенции большое методологическое и методическое значение имеет анализ стратегических и тактических задач построения убедительной судебной речи при помощи технических приёмов ораторского искусства. Рассмотрению этого вопроса будет посвящена вторая часть нашей работы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаррис Р. Школа адвокатуры. Руководство к ведению гражданских и уголовных дел / пер с англ. П. Сергеича. М.: Изд-во СГУ, 2008. 349 с.
2. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2001. 448 с.
3. Мельник В.В.: Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М.: Дело, 2000. 496 с.
4. Мельник В.В. Искусство защиты в суде присяжных: учеб.-практ. пособие. М.: Дело, 2003. 460 с.
5. Мельник В.В. От теории доказательств в советской России к теории доказывания в Российской Федерации (рецензия на книгу «Доказывание в уголовном процессе Российской Федерации (теория и правоприменительная практика): монография. М., 2012. 184 с.») // Государство и право. 2013. № 4. С. 68–69.
6. Мельник В.В. Здравый смысл и совесть как основа профессионального сознания юриста // Мораль и догма юриста: профессиональная юридическая этика. М., 2008. С. 17–66.
7. Мельник В.В. Решетова Н.Ю. Речь прокурора в суде с участием присяжных заседателей: пособие. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2010. 116 с.
8. Мельник В.В., Трунов И.Л. Искусство речи в суде присяжных: учебно-практическое пособие. М.: Юрайт, 2016. 662 с.
9. Мельник В.В. Общественно-политическое и юридическое значение суда с участием присяжных заседателей. Ч. II. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2015. № 4. С. 103–107.
10. Паничева А. Государственное обвинение: новые требования // Уголовное право. № 4. 1997. С. 22–27.
11. Радченко В.И. Судебная реформа в России // Журнал российского права. 1999. № 1. С. 67–75.
12. Тимофеев А.И. Логика и основы аргументации: учеб. пособие для студ. вузов социогуманитарного профиля. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 160 с.

REFERENCES:

1. Harris R. Shkola advokatury. Rukovodstvo k vedeniyu grazhdanskikh i ugovolnykh del / per. s angl. P. Sergeicha [Hints on Advocacy. Intended for Practitioners in Civil and Criminal Courts / translated from English by P. Sergeich]. M., Izd-vo SGU, 2008. 349 p.
2. Zimbardo F., Lyaippe M. Sotsial'noe vliyanie [Social Influence]. SPb., Piter, 2001. 448 p.
3. Mel'nik V.V. Iskusstvo dokazyvaniya v sostyazatel'nom ugovolnom protsesse [The Art of Proof in Adversarial Criminal Process]. M., Delo, 2000. 496 p.
4. Mel'nik V.V. Iskusstvo zashchity v sude prisyzhnykh: ucheb.-prakt. posobie [The Art of Defense in a Jury Trial: a guide to practice]. M., Delo, 2003. 460 p.
5. Mel'nik V.V. Ot teorii dokazatel'stv v sovetskoi Rossii k teorii dokazyvaniya v Rossiiskoi Federatsii (retsenziya na knigu «Dokazyvanie v ugovolnom protsesse Rossiiskoi Federatsii (teoriya i pravoprimeritel'naya praktika): monografiya. M., 2012. 184 s.») [From the Theory of Evidence in Soviet Russia to the theory of Proof in the Russian Federation (a review of the book "The Proof in Criminal Procedure of the Russian Federation (Theory and Practice): monograph. M., 2012. 184 p.")] // Gosudarstvo i pravo. 2013. No 4. Pp. 68–69.
6. Mel'nik V.V. Zdravyy smysl i sovest' kak osnova professional'nogo soznaniya yurista [Common Sense and Conscience as a Basis of Lawyer's Professional Consciousness] // Moral' i dogma yurista: professional'naya yuridicheskaya etika. M., 2008. Pp. 17–66.
7. Mel'nik V.V., Reshetova N.YU. Rech' prokurora v sude s uchastiem prisyzhnykh zasedatelei:

- posobie [The Speech of the Prosecutor in Jury Trial: a Handbook]. M., Akademiya General'noi prokuratury RF, 2010. 116 p.
8. Mel'nik V.V., Trunov I.L. Iskuststvo rechi v sude prisyazhnykh: uchebno-prakticheskoe posobie [The Art of Speech in a Jury Trial: a handbook]. M., Yurait, 2016. 662 p.
 9. Mel'nik V.V. Obshchestvenno-politicheskoe i yuridicheskoe znachenie suda s uchastiem prisyazhnykh zasedatelei. CH. II. [Socio-Political and Legal Significance of a Jury Trial. Part II.] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya. 2015. No 4. Pp. 103–107.
 10. Panicheva A. Gosudarstvennoe obvinenie: novye trebovaniya [Public Prosecution: New Requirements] // Ugolovnoe pravo. No 4. 1997. Pp. 22–27.
 11. Radchenko V.I. Sudebnaya reforma v Rossii [Judicial Reform in Russia] // Zhurnal rossiiskogo prava. 1999. No 1. Pp. 67–5.
 12. Timofeev A.I. Logika i osnovy argumentatsii: ucheb. posobie dlya stud. vuzov sotsiugumanitarnogo profilya. [Logic and the Foundations of Reasoning: a handbook for liberal arts students]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. university, 2006. 160 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мельник Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Института экономики, управления и права Московского государственного областного университета;
e-mail: melnik55@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

V.V. Melnik – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science at the Institute of Economics, Management and Law of Moscow State Regional University;
e-mail: melnik55@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Мельник В.В. Значение ораторского искусства юристов как средства построения убедительной аргументации в состязательном уголовном процессе. Постановка проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 3. С. 81–86.
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-81-86

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V.V. Melnik. Lawyers' Public Speaking Skills as a Means of Constructing Convincing Arguments in Adversarial Criminal Proceedings: Statement of the Problem // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Law. 2016. № 3. P. 81–86.
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-81-86

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

2016. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор Д.Д. Дрошнев

Переводчик Е.А. Кытманова

Корректор А.С. Барминова

Компьютерная верстка Д.А. Заботиной

Отдел по изданию научного журнала

«Вестник Московского государственного областного университета»

Информационно-издательского управления МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru

сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 5,25, усл. п.л. 5,5.

Подписано в печать: 17.10.2016. Дата выхода в свет: 10.11.2016. Заказ 2016/10-11.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, 10А